

КРИСТИНА
КАМАЕВА

*Бессмертие
не для всех*

роман-фэнтези

12+

Кристина Камаева

Бессмертие не для всех

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Камаева К.

Бессмертие не для всех / К. Камаева — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Дживан-путешественник Нар, спасая людей от злобных нирритов, добрался до благополучных миров Шамбары и попросил пристанища для своих детей. Фейры пожалели изгнанников космоса и приютили их. Люди быстро освоились и стали вытеснять соседей, завидуя вечно юным фейрам и кляня свой смертный удел. Чтобы сберечь фейров, шанкары создали для них новый материк – Этерию, а людям запретили появляться там. «Бессмертие не для всех» – это роман о тщеславном короле Сундара, объявившем войну богам, о нирритах, склоняющих героев ко злу, о законной наследнице трона, Мирэе, которая хотела, как лучше...

Содержание

Часть I	5
Сиреневая ночь	5
Заговор	17
Свадьба	32
Путешествие в Весёлку	49
Звезда	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Часть I Зарад победитель

Сиреневая ночь

Тьма таяла, утро тихо выплывало из ночной дремы. Флотилия из двенадцати тяжело груженных кораблей вяло покачивалась на волнах. Боцман флагмана «Неустрашимый» с досадой поглядывал по сторонам: на безоблачное небо, на лениво мерцающее море, на сонных матросов. Вот ведь невезение: весь месяц шли при хорошем попутном ветре, а в десяти милях от острова встали. Конечно, можно посадить на весла воинов; они соскучились по дому и догребут в два счета. Но Зарад не велел – хотел войти в гавань красиво, под тугими парусами.

Знаменитый военачальник прогуливался по палубе и тоже ждал ветра. В походы из Сундара в Крор Зарад отправлялся с легким сердцем, а вот возвращаться домой не любил. В армии он был кумиром, отцом, героем; покоренные народы поклонялись ему, искали защиты, исправно платили дань. Кто на огромном материке знал Киннара – короля, никогда не покидавшего остров? Для всех жителей Крора Зарад олицетворял мощь и славу Сундара, он был настоящим Владыкой Запада. Когда корабли с драгоценным грузом входили в родные гавани, народ ликовал и приветствовал Зарада восторженными криками. И не однажды он задавался вопросом, справедливо ли, что трон занимает не мужественный и достойный народный любимец, а король-рохля, выживший из ума властитель, который дни напролет сидит во дворце и мечтает о дальних землях шанкар. Не смилуются ли высокомерные божки? Не появится ли на горизонте белый корабль с беспутной Феореной на борту? О, если бы зазнавшийся шанкар посягнул на женщину Зарада, он поплатился бы сполна, молил бы о пощаде и не получил ее! Но Киннар простил шанкара. Бла-а-годушный! Зарад сплюнул, выражая крайнюю степень презрения к своему венценосному дяде. Пусть полюбуется его парусами на горизонте. Красными с золотом. Недолго ему осталось.

Зарад равнодушно смотрел, как Золотой Наян бледнел в лучах восходящего солнца. Все-таки беспокойно было возвращаться домой после долгого отсутствия.

Солдаты и моряки маялись от безделья, подначивали друг друга, гадали, успеют ли вернуться к самому веселому празднику на острове – Сиреновой ночи. Хотелось спрыгнуть на твердую землю, сбросить просоленную одежду, помыться, потанцевать с подругами, побаловать их трофеями и рассказами о заморских землях.

А между тем, на корабле зрел заговор.

– В сапогах-то не стоит, наверное, – шептал здоровяк Буст щеголеватому Физелю, – в сапогах неудобно.

Светловолосый заводила Лафер потихоньку обходил моряков и что-то сообщал им, как бы между прочим. Все согласно кивали.

– Сапоги он сам снимет, – подмигнул Физель ухмыляющемуся Бусту и прошел в носовую часть корабля, где, облокотившись на борт, стоял воин, внимательно изучавший морские дали. Его звали Юниэр. Он вырос на материке, а в Сундаре никогда не был. Физель встал рядом с ним.

– Видишь Этерию? – вкрадчиво спросил он после некоторого молчания.

– Где? – удивился Юниэр.

Он любовался островом, приветливо зеленым, с вкраплениями белокаменных строений. До земли было еще далеко.

– Вон там! – указал Физель в противоположную сторону, на запад.

Юниэр прищурился.

– Только что-то белое, яркое.

– Как?! – воскликнул Физель. – Ты не видишь гавань? Деревья с гладкими белыми стволами? И стаи птиц на этих деревьях?

Юниэр недоверчиво покосился на приятеля.

– Может быть, ты не такой зоркий, как все местные, – предположил Физель. – Жаль. Это волшебная земля. Деревья цветут и плодоносят круглый год. Чакоры танцуют ночью, рассеивая мрак. Шанкары ни в чем не знают нужды...

– Я не верю, что ты видишь отсюда птиц, Физ! – возмутился Юниэр.

– Со временем и у тебя получится, – ободряюще кивнул Физель. – А знаешь что, попробуй с мачты. Может, разглядишь?

Юниэр сомневался, но решил попытаться и, сбросив сапоги, ловко полез на мачту. Добравшись до самого верха, он, конечно, не увидел птиц. На западе маячило что-то ослепительное, как будто солнц сегодня было два, и одно из них решило искупаться в океане. Но признать, что розыгрыш удался, Юниэру не хотелось.

– Блистательный город! – закричал он, спустившись настолько, что его могли слышать. – Какие птицы! Какие девушки! Может, завернем к ним?

– Они не будут нам рады, – откликнулся Физель.

Зарад усмехнулся.

– Когда-нибудь, Юниэр, они встретят нас, как подобает дружелюбным соседям, помани мое слово, – сказал он.

Зарад хорошо знал многих воинов. Юниэр не был элитом, и не мог рассчитывать на командную должность, тем не менее, военачальник его ценил. Видный парень и поразительно везучий: его ни разу не ранили в боях, хотя он не берегся, а, напротив, кидался в самое пекло, в отличие от высокородного Диленара. Зарад колко глянул на юношу в дорогах, начищенных доспехах, скучающего в тени. Этот всю службу держался особняком, всего чурался и мечтал скорее вернуться под крыло к именитому папе.

– Господин! – прервал раздумья Зарада один из матросов. – Неспроста ветра нет. Не пускает нас Солло.

– Да! Да! – дружно закивали обросшие щетиной молодцы.

– Что? – изумился военачальник.

Матросы прекрасно знали, что лучше не упоминать при нем имена ненавистных шанкар, даже Солло – Владыку вод и Повелителя морей. Лафер быстро зашептал что-то на ухо Зараду. Тот едва заметно кивнул, включаясь в игру.

– А-а, вот как! И почему не пускает?

– На борту чужак, – как бы нехотя пояснил моряк, – не элит.

– Может, бросим его за борт! Надоело стоять, – предложил второй моряк.

Все с интересом уставились на Юниэра, который как раз слез с мачты.

– Бросай! – скомандовал Зарад.

Толпа ринулась к жертве с радостным гиканьем. Юниэр, сообразивший, куда все клонится, нырнул под мачту и побежал по палубе, ловко увиливая от тянущихся к нему рук. Он еще долго мог гонять своих преследователей, если бы из засады не возник широкогрудый Буст, принявший беглеца в жесткие объятия. Тут уж подоспели остальные, Юниэра оторвали от палубы, подняли в воздух, помогли преодолеть последние метры до борта корабля и с размаху швырнули в воду.

– Гады! – донесся до шутников отчаянный вопль.

Настроение у всех заметно улучшилось, бодрости прибавилось.

– На весла! – призвал Лафер, едва заметив голову Юниэра на поверхности моря. Нельзя же допустить, чтобы «посвященный» тут же вскарабкался обратно на корабль. Уговаривать

никого не понадобилось. Юниэр барахтался в волнах и отфыркивался; вода для купания была холодновата. «Неустршимый» быстро удалялся от него. Юниэр вертел головой и думал, стоит ли плыть к судну, следующему за флагманом. Скорее всего, там присоединятся к заговору, а если команда примет его на борт, то он наслушается от них разных шуточек. Насмешек Юниэр не боялся, сам слыл зубоскалом, и понимал, что, в любом случае, на палубе лучше, чем в студенной воде. Как только они застали его врасплох!

Боцман первым почувствовал изменения в воздухе. Может, Солло развеселила их шутка? Вот уже и флаг затрепетал, зашумел.

– Ветер есть! – закричал боцман. – Поднять паруса!

Моряки бросили весла и занялись парусами. Этой заминки Юниэру хватило, чтобы приблизиться к кораблю. Тут и его соратники сжалились, решив, что он достаточно накупался.

– Эй! Кто-нибудь, веревку Юни! – крикнул Лафер.

Дружелюбно подзадоривая пловца, матросы скинули вниз веревку, за которую он ухватился с кошачьей цепкостью. Паруса поймали ветер, и корабль полетел по волнам. Веревка натянулась до предела, и Юниэр, вытянувшись в струнку, заорал от восторга.

– Лечу! А-а-а-а!

Заговорщики наблюдали за ним с борта.

– Штаны не потеряй! – закричал Физель, сложив ладони рупором.

Теперь они немного завидовали Юниэру, который прыгал как летучая рыба, почти не касаясь поверхности моря.

К тому времени, когда флотилия Зарада достигла гавани, на пристани собралась толпа народа. Порт, заполненный нарядными голосистыми людьми, обрушился приветствиями, ошеломил, оглушил так, что в первые минуты морякам хотелось спрятаться в укромном уголке, чтобы прийти в себя. Сошедших на землю воинов подхватывали на руки, украшали венками, несли с почестями домой или в постоянные дворы, и воспрепятствовать этому чествованию и народной любви было невозможно.

Юниэр с любопытством озирался по сторонам. Все здесь было не похоже на Крор: широкие улицы, нарядные дома, розы и виноград в палисадниках, а самое удивительное, – лица людей. Они казались открытыми и безмятежными, непохожими на те, что были у народов материка: тоскливые, почти всегда озабоченные ожиданием очередной беды. С островитянами никогда не случалось ничего плохого, они улыбались так, как будто счастье было их сутью. Отовсюду пахло сиренью. Они успели на сундарский праздник любви.

Юниэр остановился у Лафера. Отдохнув, друзья вновь встретились с участниками похода на набережной и там бродили по кабакам, пока не надоело. В основном, коротали время, а веселились умеренно – всем хотелось сохранить силы для праздника.

– О нет, только не это! – воскликнул Физель, первым выбравшийся на залитую солнцем улицу из полумрака очередной забегаловки. – Бедная девушка! Лошадь понесла!

– Где? – встрепенулся Юниэр.

– Да вон же!

Внизу вдоль кромки моря мчался, как дикий, вороной конь, и всадница пригнулась к его шее.

– Она неплохо справляется, – заметил Юниэр.

– На такой-то скорости? – взволнованно перебил его Физель. – Я видел, она чуть не упала! Как же ей помочь?

Пока он думал, Юниэр действовал. Перемахнув через невысокую ограду, идущую вдоль вымощенной белым камнем дороги, едва касаясь твердой гальки подошвами, он мчался быстрее, чем лошадь на скачках. Не жалея себя, Юниэр бросился наперерез взбесившемуся коню; тот заржал от неожиданности и взвился на дыбы.

– Что ты делаешь, сумасшедший? Тебе жить надоело? – возмутилась всадница. Девушка удержалась в седле и теперь гневно смотрела на Юниэра синими-синими глазами.

– Спасая вашу жизнь, – учтиво поклонился Юниэр.

Незнакомка хмыкнула, жеребец едва не лягнул Юниэра за допущенную наглость, но тот увернулся.

– Глупец! – обругала его всадница.

– Рад знакомству, – не смутился Юниэр.

– Вперед, Чернолун, – ласково обратилась наездница к своему скакуну, и тот, гордо вскинув голову, пустился вскачь.

Юниэр долго глядел ей вслед. Подошли остальные.

– Кто она? – спросил Юниэр.

– Принцесса Мирэя, – ответил Лафер.

– Красивая.

– И превосходная наездница! – сдерживая смех, заметил Физель. – Ты сегодня второй раз попадаешь впросак, Юни!

– Слишком много внимания ко мне, Физ.

– Просто хочется, чтобы первая поездка в Сундар тебе запомнилась.

– Пойдемте в Алдарионский лес! Посмотрим на приготовления к празднику, – предложил Лафер.

– Вы что, собрались на праздник любви с простолюдинами? – вытаращил глаза Физель.

– А ты что, не пойдешь? – удивился Юниэр.

– Пойду, конечно, но в Мраморный замок. Там соберется вся сундарская знать, и будьте уверены, нас ожидают развлечения более изысканные, чем танцы на лесной полянке. Подумайте! Все воины приглашены. Не каждый день удастся поужинать с высокородными.

– Смотри, не объешься с непривычки, – хлопнул его по плечу Юни.

– А ты, Буст, с нами? – повернулся Лафер к четвертому товарищу.

– Нет, я с Нарин, но тоже в Мраморный замок.

– Ну вот, – вздохнул Лафер, – никто не поддерживает нашу идею...

– Приударить за швеями и рыбаками? – насмешливо продолжил за него Физель. – Вот уж увольте!

– Почему бы и нет! Они, надеюсь, не будут удирать еще до того, как мы им представимся.

– Успехов в ваших нехитрых затеях! – иронично благословил Физель товарищей. – Чудесного вам праздника!

Друзья разошлись. Лафер и Юниэр не спеша побрели к Алдарионскому лесу.

Зарад шагал по набережной, рассеянно отвечая на приветствия. Он только что переговорил с верным человеком, приставленным следить в его отсутствие за королем, и узнал, что Киннар по-прежнему приветствует нарисейцев и даже собирается открыть им границу. Зарад боялся, что королю удастся возродить распавшийся союз фейров и людей в Сундаре. "Сладкоголосые прихвостни шанкар затуманили мозг Киннара, – думал он. – Невозможна дружба между неравными народами. Клянусь, я этого не допущу".

– И вы здесь! – удивленный возглас прервал мрачные мысли военачальника. Он столкнулся со своими воинами нос к носу.

– Как хорошо, что я вас встретил! – обрадовался Зарад. – Есть разговор.

Они отошли в сторонку. Зарад рассказал, что король со дня на день ожидает во дворце посланника нарисейцев – фейра, и приказал Юниэру и Лаферу немедленно идти к переправе через Серебряную Струю, чтобы проследить за лазутчиком. Зараду необходимо было знать, когда фейр окажется во дворце, так что пусть порадеют за правое дело.

– Но сегодня праздник! – воскликнул разочарованный Юниэр.

– Служить родине – вот настоящий праздник! – осклабился Зарад. – Я о многом не прошу – всего одно ответственное задание. А побездельничать вы еще успеете. – И Зарад подробно рассказал им, где караулить фейра.

– Как тебя угораздило его окликнуть? – рвал и метал Юниэр, когда Зарад ушел. – Он бы нас не заметил!

– Что сделано, то сделано.

– Ждут со дня на день, – кипятился Юниэр. – Обидно. Фейр, может, вообще не появится, а мы будем торчать как два истукана у переправы.

– Да еще в Сиреневую ночь.

– Разве фейр такая уж редкость в Сундаре?

– За всеми не уследишь, – смеясь, согласился Лафер.

– Мы и не станем. Мир всем, и фейрам тоже, в этот весенний праздник. Зараду скажем, что фейр ему померещился, – заключил Юниэр, и они пошли к конюшням, чтобы забрать лошадей и увести их в скрытое место. За неповиновение приказу им грозила смерть или изгнание, но они были молоды, дерзки и отважны.

– Нет, нет. И не думай об этом, Мирэя, – возражал Киннар на все просьбы дочери. – Ларт устраивает праздник в своем замке на берегу моря. Весь цвет Сундара соберется там, и ты должна быть среди них.

– Но ведь это так скучно! – воскликнула Мирэя в отчаянии.

– Скучно может быть мне. Меня может утомить долгий праздник, но тебе, такой юной, не может быть известно все, что будет...

Мирэя молчала, насупившись.

– Скажи мне, – продолжал Киннар, – какие преимущества у Сиреновой ночи?

– Таких праздников я не видела, – мечтательно откликнулась девушка. – Это вольный праздник.

– Ты мало знаешь, – нахмурился Киннар. – То, что ты сейчас называешь вольным, на деле показалось бы тебе диким.

– Клянусь! Я не верю, что в мои годы ты был хоть на четверть таким же нудным, как теперь.

– Перестань, Мирэя. Сундарцы уважают своих вождей и славят доблестных воинов. Но они хотят праздника и для себя. Такой праздник у них есть – это Сиреневая ночь. Мастера, садовники, швеи и служанки, солдаты и моряки – вот публика, которая собирается там. Они выбирают своих королей, и тогда им не нужны ни блеск ежедневных кумиров, ни снисходительный надзор с их стороны. И ты мечтаешь явиться туда? Ты? Мирэя, Лунный свет, принцесса Сундара?

Внимательно выслушав отца, Мирэя сказала.

– Хорошо, я сделаю так, как хочешь ты.

– Вот и правильно, – обрадовался Киннар, – все будут рады в Мраморном замке. Мы поедем вместе, после торжественной части я уйду, и никто не помешает тебе развлекаться, а лучшие юноши Сундара развеют твою скуку.

– Ты никогда мне не мешаешь, папа, – произнесла Мирэя покорно.

Она рассказала Айрен о неудачных переговорах с отцом. Айрен присматривала за госпожой с детских лет, но по возрасту не на много превосходила принцессу и была ей, скорее, наперсницей, чем служанкой.

– Король говорит разумно, – одобрила Айрен. – Ты встретишь подруг, у вас найдется, о чем поговорить! Зарад и его армия сегодня вернулись из Крора. Достойные воины будут развлекать тебя свежими байками о своих подвигах на материке и бороться друг с другом за твое расположение. Неужели рыбаки и подмастерья – лучшая для тебя компания?

– Я не собираюсь в Мраморный замок! – вспыхнула Мирэя. – Тебе придется сказать королю, что я заболела и не могу ехать вместе с ним.

– Обмануть короля? – потускнела Айрен.

– Ради нашей дружбы.

– Нет, Мирэя, это опасно. Неужели ты не понимаешь? Там всякое может случиться.

– Как хочешь, – пожала плечами принцесса, выражение лица ее стало жестким. – Но помни, если ты не возьмешь меня с собой, я пойду в Алдарионский лес одна.

Айрен знала, что противоречить юной госпоже бесполезно, пока она сама не одумается, и уступила ей, скрепя сердце.

Мирэя выехала прогуляться в млеющий от жары сад верхом на своем любимом жеребце Чернолуне. Быстрый, с пепельной гривой, влажными диковатыми глазами, он понимал все, что она говорила. В бездонной выси растекалось горячим янтарем полуденное солнце. Принцесса зажмурила глаза от слепящего света и усмехнулась торжествующе. "Меня может хватить солнечный удар, если я покатаюсь подольше, – подумала она, – и все равно, поверят мне или нет, я буду слишком слаба, чтобы веселиться в Мраморном замке".

Командующий королевской гвардией и его сыновья решили лично доставить короля и принцессу на пиршество в Мраморный замок. Ларт ехал в роскошной карете, а его ладные отпрыски путешествовали верхом, то обгоняя карету, то возвращаясь к ней. Внимательный отец семейства заметил, что братья встретились не очень тепло. Диленар ни разу не пожаловался на свою долю, но Ларт понял, что земли Крора не пришлись ему по душе. По закону Сундара только один из сыновей каждой родовитой семьи мог остаться служить в королевской гвардии. Другие – становились воинами регулярной армии, боевыми орлами Сундара, и участвовали в военных походах на материке. Честь остаться на острове выпала старшему – Арфесту.

Самонадеянный красавец Арфест не сомневался, что принцесса в него влюблена и только поэтому избегает встреч с ним. Опасается его неумемной страстности. Ларт хотел этому верить и всем сердцем желал укрепить связь с королевским домом, но Киннар пропускал его намеки мимо ушей.

Диленар исподтишка наблюдал за братом и усмехался в молодые усики. Он помнил принцессу тоненькой прелестной девочкой пятнадцати лет. Не может быть, чтобы она пленилась таким разгильдяем и грубияном, как его брат. Мирэя, правда, и его не жаловала вниманием, но с тех пор прошло два года, он окреп, повидал мир. Принцесса, несомненно, оценит ореол мужественности вокруг него, который, по мнению Диленара, трудно было не заметить. Юноша представлял, как Арфест начнет паясничать и донимать Мирэю своими шутками, а она посмотрит на него, Диленара, умоляющими глазами. И тогда они убегут от Арфеста, и где-нибудь в укромном уголке Мраморного замка он расскажет ей об опасных землях Крора и подарит какую-нибудь диковинную вещицу.

Киннар принял гостей в летнем зале, расспросил Диленара о службе, и отправил служанку предупредить принцессу о приезде командующего королевской гвардией с сыновьями. Служанка вернулась и сообщила, что Мирэя все еще на прогулке. Братья проявили нетерпение и поспешили в сад встретить ее. Киннар и Ларт остались.

– Зарад приезжал поприветствовать вас?

– Нет. Мы встретимся завтра после полудня.

Ларт задержался взглядом на портрете прекрасной женщины с зелеными глазами. Портреты Феорены, исчезнувшей жены Киннара, были во всех комнатах дворца – король не смирился с потерей.

Ларт покачал головой.

– Прошло четырнадцать лет, а вы так и не выбрали супругу. Неужели во всем Сундаре нет достойной вас благородной девушки? Вы в самом расцвете сил и вправе вновь испытать супружеское счастье, родить сыновей, укрепить династию. Все ваши подданные были бы рады.

– Боюсь, что не смогу осчастливить их новым браком, – возразил Киннар. – Я привык жить один. Не могу представить, чтобы другая женщина вошла во дворец как хозяйка.

– Вы не хотите даже думать об этом, – посетовал Ларт. – А дочку собираетесь выдать замуж?

– Мирэю? – удивился Киннар. – Так рано. Зачем?

– Моя Эльсия не на много старше, – вздохнул Ларт. – Но она рвется прочь из дома и мечтает о достойном муже.

– Если рвется, значит, пора. Не хмурься, – добавил он, взглянув на помрачневшего Ларта. – Ты сам сказал, что я еще в расцвете сил. Трон Сундара достаточно крепок.

– Конечно, – кивнул Ларт. – Но, когда корабли Зарада возвращаются в Сундар, я чувствую беспокойство. Воинственный он, ваш племянник, непредсказуемый. Будьте с ним осторожнее.

Не успел Киннар ему ответить, как в зал вошли встревоженные сыновья Ларта. Арфест нес на руках принцессу.

– Что с ней? – король бросился к дочери.

– Она без сознания, – Арфест осторожно положил принцессу на ложе, устланное подушками.

Оказалось, что принцесса, заметив молодых людей, поджидающих ее на тропинке, вдруг пошатнулась и стала заваливаться набок. Арфест и Диленар поспешили освободить ее из стращин и, к большому разочарованию Диленара, Мирэя упала прямо в руки его нахального брата.

Киннар распорядился принести лед, Диленар извлек из кармана белоснежный платок и принялся обмахивать им принцессу. Мирэя слегка разомкнула ресницы, увидела лица взволнованных мужчин, склоненные над нею, и снова впала в забытие.

– Надеюсь, ей скоро станет лучше, и она поедет с нами на праздник, – сказал Арфест, растерянно глядя на обложенную компрессами девушку.

Его надежды не оправдались. Ближе к вечеру Айрен сообщила, что у госпожи жар, и вместо праздника ей придется помучиться в постели. Киннар хотел остаться с дочерью, но подумал, что гости проделали такой долгий путь, и будет не вежливо отправить их одних.

С ликованием наблюдала юная обманщица, как карета и сопровождавшие ее всадники спешили к морю, подальше от нее.

Девушки могли бежать из замка, только взобравшись на крышу: все входы и выходы охраняли стражники. Карабкаться по еле заметным выступам в наступивших сумерках было рискованно, но они знали каждый камешек в замке. Самым опасным участком была отвесная и довольно гладкая стена, по которой они вынуждены были спускаться с помощью веревочной лестницы. Сюда редко кто заглядывал, и вероятность, что лестницу заметят до их возвращения, была небольшой. Еще в детстве они обнаружили, что в каменной ограде есть небольшое отверстие, замаскированное кустами ракитника, и что, при желании, можно выбраться на четвереньках на ту сторону. Что и было мастерски исполнено. Потом они помчались к Алдарионскому лесу, откуда доносилась громкая музыка, веселые голоса и смех. По дороге девушки завернули в Розовый сад и нарвали цветов. Предусмотрительная Айрен захватила с собой нитки и быстро сплела венки королевне и себе. Она увенчала Мирэю венком из огненно-красных роз и воскликнула.

– Ну вот, теперь ты похожа на деревенскую красавицу!

Мирэя засмеялась, глаза ее возбужденно сияли. Струи черных волос были туго свиты в косу, и алые розы полыхали над юным лицом. Себе Айрен сделала венок из белых роз и сирени.

На Большую поляну, к горящим кострам, они пришли в самый разгар праздника.

– Запомни, – строго сказала Айрен, крепко держа Мирэю за руку, – главное – не потерять друг друга, ну и голову тоже.

Поначалу сердечко Мирэи замирало от страха; она боялась, что кто-нибудь узнает ее, но потом освоилась и закружилась в стремительном хороводе. Принцесса с удовольствием прыгала через костры, танцевала и пела. После нескольких глотков розового вина, которое раздавали жаждущим крепкие молодцы, восседающие на бочках, она стала игриво отвечать любопытствующим, что ее отец король Сундара, и была страшно довольна, что ей никто не верит.

Все цвело и пело теплой весенней ночью. Юниэр и Лафер стояли в тени, наблюдая за буйно резвящейся вокруг костров молодежью. Воздух был пропитан сиреневым запахом, сиреневыми звездами расцвечено ночное небо.

– Какие красивые люди, Лафер, – негромко говорил Юниэр, – конечно, фейры и феи еще прекраснее, но... они как-то слишком осторожны и таинственны. Когда я смотрю на них, то чувствую восхищение, но при виде наших красавиц мое сердце переполняет любовь, и я теряю голову.

– Каждому свое, – ответил Лафер.

– Ты только посмотри! – не унимался Юниэр. – Ну чем эти люди отличаются от благородных вельмож? Я не смог бы отличить.

– Не одни мы такие умные, Юниэр. Уверен, что на этом празднике немало переодетых отпрысков достойнейших семей Сундара.

– Не хочешь ли ты сказать, что Мраморный замок пустует? – развеселился Юниэр.

В самый разгар праздника Айрен потянула Мирэю за руку, разорвав хоровод.

– Если я не ошибаюсь, скоро зазвонят колокола, а это знак к майскому обручению. Надо будет надеть свой венок на избранника. Поэтому, если мы не хотим остаться одни, надо подыскать подходящих и не очень пьяных и позаботиться о том, чтобы нас не опередили.

– Забавно, – усмехнулась Мирэя, – что ты скажешь о тех двоих у сиреневого куста? По моему, симпатичные.

– Годятся, – согласилась Айрен, – надо подкрасться к ним поближе.

– Потом сочиним балладу для потомков, – шептала Мирэя, пробираясь между деревьями, – о том, как принцесса Сундара охотилась за женихами в Сиреневую ночь.

– Тихе, – оборвала ее Айрен, еле сдерживая смех. – Женихи сбегут.

Они притаились за большим деревом в двух шагах от своих избранников, и тут раздался мелодичный звон. На поляне засуетились.

– Что это? – спросил Юниэр.

– Майское обручение, – догадался Лафер. – Я говорил тебе.

– Как же я забыл? А мы встали в самую тень! – воскликнул встревоженный Юниэр, – нас здесь никто не заметит!

Но он ошибся, к ним уже подскочили две девушки, и венок из красных роз опустился ему на голову. Юниэр увидел, что его "майская невеста" – красавица, каких мало даже в Сундаре. Любовь, переполняющая его сердце весь день, нашла, наконец, выход. В это мгновение он забыл и о Лафере, и обо всем на свете. Он быстро скрепил союз нетерпеливым поцелуем и далее уже не выпускал обретенное сокровище.

– Твой выбор сделал меня бесконечно счастливым! – воскликнул Юниэр, восхищенно глядя на Мирэю.

Тут она узнала нахала, который бросился под копыта Чернолуна этим утром. О том, что у "майского обручения" может быть продолжение, девушка не подумала и сейчас с недоумением и даже страхом смотрела на неожиданного поклонника.

– Я верю тебе, но, если ты не умеришь свой пыл, мне придется найти кого-нибудь поскромнее, – сказала она сердито, хотя отметила, что юноша красив и, похоже, искренен.

Но и Юниэр узнал ее. "Сама принцесса выбрала меня, – обрадовался он, – и я ее не отпущу". Он засмеялся, обнял девушку за плечи и повлек к танцующим на поляне парам.

– Ты в надежных руках, не бойся ничего, – убеждал он "невесту".

И действительно, крепкие руки подхватили ее, принцесса при всем желании не могла бы вырваться из объятий. Да и неловко было, на них уже с интересом поглядывали зрители. Танцевал Юниэр легко и умело, нежно прижимая красавицу к груди. Не давая девушке посмотреть на Айрен, которая делала ей отчаянные знаки, нашептывая что-то ласковое, Юниэр увлекал принцессу все дальше в сторону от толпы. Айрен, за которой усердно ухаживал Лафер, не смогла помочь госпоже. Случилось то, чего они боялись, – их разлучили.

– Я не шучу! – пыталась отбиваться Мирэя.

– Я тоже! – отвечал Юниэр.

Голова Мирэи кружилась от близости, внимания и восхищения избранника, а может и от вина. Она уже не слышала голосов и песен, тем более не видела ничего вокруг. Земля уносилась из-под ног, но надежные руки бережно обнимали ее. Повсюду был слышен томительный зов весны. Они были молоды и легко поддались таинственному сердечному влечению. Их души встретились. Мирэя не понимала этого, а просто чувствовала, что такого с ней еще не было. И когда юноша касался губами ее горячей щеки, она ощущала не только страх и неловкость, но и наслаждение. И, конечно, она ему отвечала, иначе было невозможно.

"Радуйся, тебя целует вольный "майский жених", впредь не будешь такой любопытной", – думала принцесса, удивляясь, что все еще может думать.

Юниэр оторвался от ее губ; и когда она отдышалась, то увидела, что стоят они в лесу, над ними безмерное небо с льющимися потоками звезд, а людские голоса и музыка едва слышны.

– Как тебя зовут? – спросил он, не выпуская ее рук.

Она ответила неуверенно:

– Ты можешь называть меня Леорой.

– Редкое имя, – усмехнулся Юниэр, – а я, Кельвен, сын пастуха, одного из лучших в Сундаре.

"Завидный жених", – подумала Мирэя, но промолчала.

– Мне кажется, что я где-то видел тебя, – продолжал Юниэр, – и не только в волшебных снах. Твой образ почему-то связан у меня с замком нашего короля. – Юноша внимательно следил за выражением лица Мирэи. – Твой отец...

– Королевский садовник, – быстро перебила его принцесса.

– О! – Юниэр всем своим видом выразил непомерную радость, – он мой лучший друг.

При встрече обязательно скажу, что в его саду вырос редчайший по красоте цветок.

Мирэя посмотрела насмешливо.

– Я не думаю, что это будет открытием для него.

Юниэр снова наклонился к ней, но она решительно отстранилась и сказала: – Пойдем танцевать.

Когда они подходили к Большой поляне, Юниэр спросил:

– А что нам мешает по-настоящему обручиться? Ты мне нравишься.

– Я подумаю, – опустила глаза Мирэя, – и спрошу у отца.

– С ним мы уладим это дело!

"Странно, – подумала принцесса, – неужели он не узнал меня? А так смотрел".

Она искала Айрен, но среди танцующих ее не было. Зато «жених» не отходил от девушки ни на шаг, но теперь ей это нравилось. Они пили вино из одного кубка, и хмель вливался в разгоряченную кровь. Принцесса кружилась в танце радостно и самозабвенно, окончательно потеряв способность думать.

Через какое-то время послышались возбужденные крики, танцы прекратились, и все отступило ближе к краю поляны. Какие-то люди с расплывчатыми лицами вещали о чем-то, стоя на бочках, где недавно было вино. По отдельным фразам Мирэя догадалась, что выбирают Сиреневую чету. Айрен говорила ей, что Сиреневые короли вступают в брак на празднике, в приготовленном для них шатре. На следующий день их имена узнает весь город, а Киннар обеспечит пару приданым. Вместе со всеми она радостно закричала: "Ура!"

Юниэр потянул ее за руку.

– Бежим, скорее, бежим отсюда! – говорил он, выбирая дорогу среди многочисленных пар.

– Но почему? – слабо возражала Мирэя.

– Если тебя обуревают тщеславие, то можешь остаться, – рассердился он.

Тут, наконец-то, Мирэя сообразила, что выбор пал на них, и пустилась бежать едва ли не быстрее Юниэра.

Толпа, ошеломленная бегством Сиреневых королей, ринулась в погоню. Видимо, находя в этом неожиданное развлечение, люди гнались за ними по пятам.

"Что будет, если они нас схватят? Неужели отправят в шатер насильно?" – с ужасом думала Мирэя и мчалась вперед, не смея оглянуться. Иногда их пытались обогнать, и тогда приходилось отбиваться от самых назойливых. "Счастья в любви, счастья в любви", – скандировала толпа.

– Спасибо, спасибо, – на бегу отвечала Мирэя.

– К морю! Гоните их к морю! – раздались голоса.

– Ты умеешь плавать? – спросил Юниэр.

– Да, – ответила она, задыхаясь от бега.

Юниэр понял, что их неизбежно теснят к морю, и вспомнил о небольшой лодочной стоянке на берегу. Днем они гуляли там вместе с Лафером. Была вероятность добежать туда быстрее преследователей. Мирэя мчалась, ощущая бешеные упругие вихри вокруг. К большому разочарованию Юниэра, когда они добежали до известного ему места, толпа отрезала их от стоянки. Он тотчас метнулся к утесу. Утром мальчишки прыгали с него в воду, значит, это возможно. Мирэя и опомниться не успела, как ей пришлось нырять в морские глубины за "майским женихом". Когда они вынырнули, Юниэр быстро поплыл к крохотному гроту в утесе – здесь стояла лодка. Он помог принцессе взобраться в нее и налег на весла. Через некоторое время шум толпы стих, а потом исчез совсем – им удалось оторваться от погони. Юниэр и Мирэя облегченно вздохнули и обнялись. Все же юноша в целях безопасности отгреб подальше от стоянки.

– А почему сын пастуха так резво бежал от почестей? – спросила Мирэя. – Что ему мешает стать Сиреневым королем?

– Предположение о том, что эти почести завтра обернутся его похоронами, – спокойно ответил Юниэр, и Мирэя взглянула на него с искренним любопытством.

– Ты узнал меня? – спросила она.

– Нет, – ответил он.

Лодка причалила к берегу. Было необычайно тихо, дремотная мгла окутывала все вокруг. Море, насыщенное тонкой светящейся пылью, рассеивало сумрак. Только сейчас Мирэя почувствовала, как она устала. Ноги были в ссадинах и болели, а еще предстоял длинный путь домой. Когда Юниэр наклонился и поцеловал ее, она слабо возразила:

– Не надо, я устала, а нам еще возвращаться.

– Зачем? – спросил он.

Тепло его рук успокаивало, и он был так красив.

– Останемся здесь, – уговаривал он Мирэю голосом тихим, но настойчивым. – Так хорошо, спокойно, море, небо и мы. – Он гладил влажные волосы принцессы и, дрожа, касался мягких губ.

Мирэя растеряла все думы о последствиях этой встречи. Мир оказался вдруг блаженно пустым. Быстро летели невозвратимые мгновения.

Светало. Юниэр вздохнул и благодарно сжал руку Мирэи. Она отстранилась от только что обретенного мужа, и тотчас вихрь мыслей пронесся в голове: "С ума я сошла, что ли? Кто он, этот сын пастуха? Вдруг отец что-нибудь узнает и все остальные тоже. Ужас! Домой, немедленно домой!"

– Ты завел меня слишком далеко, – сухо сказала она Юниэру. – Если хочешь, оставайся, но я должна идти. – И она, не вполне уверенно, направилась к лодке.

Юниэр легко вскочил и поспешил за ней. Душа его была переполнена нежностью к этой тоненькой девочке со спутанными волосами. Но к нежности уже примешивалась горечь, потому что ночь прошла.

Майская чета скоро добралась до лодочной стоянки и оттуда направилась вперед через лес. Некоторое время он нес ее на руках. Дорога шла все время вверх, и Мирэя поняла, почему ночью они бежали так быстро. Но сейчас она утомилась, и Юниэру приходилось тащить ее за руку. От усталости у нее даже капали слезы, но когда Юниэр пытался утешить ее лаской, она злилась.

По мере приближения к Большой поляне они шли все медленнее и прятались за деревьями, если им попадались люди на пути. Никто не буйствовал, праздник имел вполне мирный вид, слышалось красивое пение. Случайно Юниэр заметил своего друга.

– Лафер! – негромко позвал он.

Обрадованный друг подбежал к ним.

– Я думал, ты потерялся! – воскликнул он. – Когда я увидел, что тебя выбирают Сиреневым королем, то решил, что нам конец. – И тут Лафер взглянул на спутницу друга и остолбенел. Хотя принцесса Сундара имела весьма потрепанный вид, лицом к лицу она была легко узнаваема. Он растерянно поклонился, не в силах найти нужные слова.

– Где Айрен? – спросила Мирэя, глядя на него вызывающе.

– Мы разминулись, когда началась погоня за вами, и я больше ее не видел.

– Что ж ты, Лафер, зайцев не ловишь? – пожурил его Юниэр.

– Не в пример тебе, – очень тихо ответил Лафер, и они переглянулись.

– Мы проводим тебя не до самого дворца. Хорошо? – спросил Юниэр спутницу.

– Что, папу испугался? – съязвила Мирэя. – Садовника?

Юниэр сжал ее руки.

– Нет, он же мой друг. Предложение остается в силе. Захочешь замуж, зови.

Они подошли к дороге, ведущей к главным воротам дворца, и распрощались.

– Я найду тебя, – сказал Юниэр.

– Не вздумай, – возразила принцесса.

Она отвернулась и пошла к замку.

– Ты идиот! – не удержался Лафер.

Юниор расплылся в счастливой улыбке.

Они уже собирались уходить, как вдруг Лафер дернул друга за руку, и они упали в траву.

– Смотри! – проговорил он.

Юниэр взглянул в ту сторону, куда указывал Лафер, и увидел высокого странника в зеленой одежде, благодаря которой он был почти незаметен в лесу. Его волосы отливали золотом, а поступь была невероятно легка.

– Фейр, – прошептал Юниэр. – Идет в замок.
– Ты, правда, везунчик, – присвистнул Лафер. – Скажем Зараду, что следили за ним от самой Серебряной струи!

Мирэя не пошла к главным воротам, она свернула с дороги и направилась к Розовому саду. Ей показалось, что кто-то идет следом. Девушка обернулась, но никого не увидела. Однако ощущение присутствия чужого человека не покидало ее, и когда она еще раз оглянулась, то увидела шагающего невдалеке стройного мужчину в зеленом плаще. "Еще один любитель острых ощущений возвращается с праздника", – решила она.

В Розовом саду она потеряла незнакомца из виду, без приключений добралась до дворцовой стены, нашла скрытую за кустами дыру и протиснулась внутрь. Осталось преодолеть лестницу. Мирэя с тоской на нее посмотрела, но все-таки полезла вверх, обдирая колени и локти. "Еще, еще немного, – уговаривала она себя, – и я буду дома".

Тело дрожало от напряжения, одежда взмокла. Оставалось еще четыре перекладины, но она не могла лезть дальше. "Уж лучше было пройти через главный вход, чем сейчас упасть и разбиться. И какой бесславный конец!" – подумала Мирэя.

Принцесса глянула вниз, чтобы определить с какой высоты придется падать, и заметила незнакомца в зеленом плаще. Он изумленно рассматривал девушку, повисшую на перекладине.

"Этому-то что здесь надо?" – возмутилась Мирэя, но затем, почувствовав прилив сил от стыда и злости, быстро преодолела последние ступени и даже прошла немного по крыше, больше не оборачиваясь и не задаваясь вопросом, почему кто-то лазает через стены замка ранним утром.

Ее встретила встревоженная Айрен, благополучно вернувшаяся раньше госпожи. Она что-то спрашивала, но Мирэя ничего не слышала. "Потом все", – еле прошептала принцесса и, как только очутилась у себя, упала на кровать и уснула.

Заговор

На следующий день Мирэя проснулась поздно. Большого труда ей стоило подняться с постели – все тело ныло. Когда она посмотрела в зеркало, то не узнала себя. На нее смотрела бледная особа с распухшими губами и спутанными волосами. Вошедшая в комнату Айрен, поначалу довольно беззаботная, тоже была напугана видом подруги. Тихо, как две заговорщицы, они вспоминали свои похождения на празднике. Принцессе было трудно об этом говорить, кое-что пришлось утаить. Она сто раз прокляла "майского жениха" и даже залилась истерическими слезами. Все воспоминания об удовольствиях, испытанных вчера, рассеялись; осталось оскорбленное самолюбие и негодование по поводу столь не характерной для нее внешности. "Ну почему я не послушалась папу?" – мучилась поздними угрызениями совести Мирэя.

Она ни за что не согласилась бы на просьбу отца спуститься в приемный зал и поприветствовать гостей: Зарада и Арфеста, – но ей необходимо было узнать, что говорят о бегстве королей, избранных Сиреновой ночью. Незнание мучила ее, и принцесса надеялась выведать все у Арфеста.

Измученная обманщица появилась на веранде, где сидели гости. Сначала она не заметила ничего особенного, так как тень виноградных листьев скрывала лица присутствующих, а потом было поздно. Мирэя увидела Юниэра, и сердце ее подпрыгнуло прямо к горлу, ухнуло вниз, а потом быстро-быстро заколотилось в груди. "Что он здесь делает? Неужели отцу все известно?" – ужаснулась она.

– Милая кузина, позволь представить тебе моих лучших воинов, – вышел навстречу ей Зарад.

Юниэр и Лафер поклонились. Лафер опустил глаза, а Юниэр, как показалось принцессе, дерзко смотрел на нее. В ответ на их приветствие она едва кивнула.

– Хорошо, что ты пришла, – сказал Киннар, встал с места и строго оглядел всех. – Я хотел, чтобы ты присутствовала на этой встрече.

Он сделал знак слуге, и через минуту тот привел высокого, светлокудрого юношу – фейра. Все были изумлены. Юниэр и Лафер перемигнулись. Арфест скривил губы. Ненависть исказила лицо Зарада.

"Еще сюрприз", – подумала Мирэя с досадой, узнав вчерашнего незнакомца, наблюдавшего как она висела на веревочной лестнице.

– Позвольте представить вам Дориана Скользящего, – обратился к собравшимся Киннар. – Я ожидал его завтра, но Дориан скор. Радостной неожиданностью для меня был его утренний приход.

– А что корабли из Этерии все еще заходят в ваши гавани? – сухо спросил фейра Зарад.

– Нет, – покачал головой Дориан, – давно не заходят. – Но я много лет дружу с нарисейцами, эта земля мной любима, поэтому я не хочу покидать Байлаш.

– Ваше время прошло, скоро все вы сбежите в свой заповедник. Байлаш и Крор принадлежат людям по праву.

– По какому праву, Зарад? – нахмурился король. – Раньше наших поселений возникли в Кроре великие государства фейров.

– Что из того? Сейчас Сарказ там сильнее всех, он сосет последние соки из тощей земли и натравливает злогов на наших собратьев. Если фейры так уж искусны в магии, пусть придумают, как уничтожить его. Но они трусливо держатся в стороне, дрожа за свои вечные жизни. Только мои ребята сражаются, защищая несчастные народы Крора.

– Облагая их при этом немалой данью, – заметил Дориан. – Люди лишь выбирают из двух зол меньшее.

– Отчего же фейры не сражаются с большим злом так, как считают нужным?

- Лютый враг Дамарх был свергнут.
- Если б не Хем, Дамарх по-прежнему правил бы нашим миром!
- Хем был сыном Сорель, майяви, – возразил Дориан.

– Довольно! – властно остановил их Киннар. – Не надо перечислять достоинства наших предков. Мы гордимся ими, но будет ли повод у потомков вспомнить нас? Неужели не замечаете вы, что живете в век алчности, зависти, ненависти? И для меня не секрет, Зарад, что боевых орлов Сундара в Кроре боятся так же, как уродливых прислужников Сарказа. И твоя популярность куплена награбленным золотом, да еще обещаниями обессмертить людей.

Шанкары давно отвернулись от нас, наш век сократился вдвое. То, чего Нар не дал нам добровольно, силой не вырвать! Запомни, как только наши бесчинства переполнят чашу терпения шанкар, Сундар погибнет. Пока не поздно, мы должны образумиться, великим делом загладить ошибки. Объединившись с фейрами, мы объявим войну Сарказу и уничтожим его.

- Нет, – ответил Зарад.
- Отчего же, – удивился Киннар, – ты не хочешь падения Сарказа?

– Мы справимся с этим без фейров!

– Но вы не делаете этого, – покачал головой Киннар. – Много лет армия воюет с последствиями и не трогает причину. Мне кажется, тебе выгодно не трогать такого врага, как Сарказ, ведь исчезни он, под каким благовидным предлогом ты будешь собирать дань с народов Крора?

Зарад вскочил.

– Вы хотите ссоры, дядя? Зачем наговариваете на меня и делаете сообщником нашего злейшего врага?

– Я не хочу ссоры, – устало вздохнул Киннар, – просто говорю свое мнение. Я хочу, чтобы все было открыто и ясно, а не исподтишка.

– Так критикуйте меня сколько угодно, когда мы одни, но здесь Мирэя, ваша дочь, здесь мои воины! Зачем им знать ваши домыслы?

– Слаб тот, кто боится правды, – твердо возразил Киннар.

– Я не боюсь правды, дядя, – процедил сквозь зубы Зарад и сел на место, затаив обиду.

– Я, – раздался вдруг голос Юниэра, – ничего против фейров не имею. В Кроре мы с ними дружим и помогаем друг другу. Они много знают и у них есть чему поучиться.

– Если бы ты жил вечно, – тонко усмехнулся Арфест, – то и знал бы куда больше.

– От вечной жизни можно устать, – возразил Юниэр. – Мне по нраву та, что у меня есть.

– Да, – вздохнул король, – уж лучше умереть, чем век за веком наблюдать кровавые распри и видеть, как все, что с любовью создавалось в течение долгих лет, рушится за несколько дней. Но не будем падать духом, может быть, нам еще удастся договориться. Завтра я обнаружю свои планы, и если люди не потеряли разум, то внимлют призыву. Тебя, Зарад, я не убедил? – обратился король к насупленному племяннику.

– Нет, отчего же, – возразил Зарад, – разумом, не сердцем, я вас понимаю, но хотелось бы знать подробнее ваши планы.

– Охотно поделюсь, – согласился Киннар, – давайте перейдем в мой кабинет, здесь становится слишком жарко, а туда не проникает зной. Там и обсудим все подробно.

Мирэя не хотела участвовать в словесных распрях и давно выжидала подходящего момента, чтобы уйти. Она пыталась вникнуть в серьезный разговор, но мысли ее занимал только Юниэр. Что-то вольное, бесстрашное, значительное в его лице приковывало к нему внимание. Находиться с ним рядом в комнате, полной других людей, терпеть его призывные взгляды, пока отец рассуждает о необходимости союза с фейрами, было невыносимо! Ей казалось, что все уже заметили, как она смущена и вот-вот расплавится от стыда. Она попросила позволения удалиться к себе.

– Ты разочаровываешь меня, Мирэя! – сказал Киннар. – Тебе не интересно, что происходит в государстве?

– Государство тебя тоже разочаровывает. Я устала от политики, – капризно пожалла плечами принцесса.

– Что ж, отдыхай, – вздохнул король.

– Может моим воинам тоже лучше уйти? – спросил Зарад.

– Нет. Мне по душе твои воины, – возразил Киннар.

Мирэя откланялась и вышла во внутренний двор; там она умыла разгоряченное лицо у фонтана. "Почему папа такой недовольный и усталый, – думала она, – неужели быть королем значит чахнуть от скорби?" – Девушка опустила руку в воду, чтобы погонять мелких рыбок.

Когда все пошли в королевский кабинет, Юниэр улучил момент и проскользнул во двор. Он бесшумно подкрался к Мирэе и коснулся губами ее волос. Она вздрогнула.

– Ты? Что тебе надо? – Принцесса готова была заплакать. – Ты относишься ко мне без должного почтения!

Юниэр изумился.

– Я люблю тебя и говорю об этом открыто. Признайся, твои прежние женихи дарили тебе розы и целовали край платья, боялись приблизиться, выжидали призыва богини. А мне все равно, принцесса ты или нет, я хочу быть с тобой. Праздник продолжается, народ веселится, город украшен. Пойдем? Ты не пожалеешь.

Она хотела согласиться, но гордость не позволила признаться в этом даже себе.

– Не возносись так высоко, – нахмурилась Мирэя. – Ты был моим женихом в Сиреневую ночь, не надейся на большее!

– Что тебе делать во дворце? – не сдавался Юниэр. – Не упрямясь. Или опыта одной Сиреневой ночи тебе достаточно на всю достойную королевскую жизнь?

– Придержи свой острый язык!

– Так что, договорились? Вечером, на площади Хема?

– Ну что ж, – снизошла Мирэя, – возможно, я приду.

– Вот и чудесно! – глаза Юниэра лучились от счастья.

Истерзанное самолюбие принцессы наконец-то получило подарок. Конечно, она никуда не пойдет, пусть высматривает ее на площади сколько душе угодно. Мирэя поспешила в свою комнату, а Юниэр ушел в кабинет Киннара.

– Представляешь, какой он дерзкий! – рассказывала она Айрен. – У меня уши горят, когда я вспоминаю прошлую ночь. Солдат несчастный.

Вечерело. Мирэя пробиралась вперед по узкой улочке, стараясь держаться в тени домов: боялась, что ее узнают. Она оделась в простое цветастое платье, которое позаимствовала у Айрен, и повязала на голову косынку.

На площадь Хема можно было выйти по королевской аллее, широкой, безлюдной, с рядами белых магнолий по обе стороны, – она начиналась прямо от дворца. Но Мирэя выбрала другой путь. Она шла через ремесленные районы, по улице портных. Никогда прежде ей не приходилось бывать здесь. Вывески пестрели птичьими названиями: "Изумленный какаду", "Лебединая песня", "Райское оперение". Найти дорогу было нетрудно: толпы людей потоками стремились в одном направлении.

Только однажды она остановилась в недоумении. На перекрестке стоял человек со связкой сиреневых платков, которые почему-то охотно расхватывали. Мирэя любопытствовала, зачем они нужны, и узнала, что без них в Зеркальную пещеру не попадешь. На всякий случай, она купила платок себе, а заодно и Юниэру, и направилась к мосту "Прыжок Чернолуна". Мост, перекинутый через Лунную Дорожку, небольшую шумную речку, построили недавно из дымчатого кварца и черного мрамора и назвали в честь ее скакуна.

Выйдя на площадь, Мирэя остановилась в нерешительности. Площадь представляла собой огромную живую клумбу, которая гудела, как тысяча пчелиных семейств. "Где же найти Юниэра?" – растерялась принцесса. И тут же один из пионов отделился от клумбы:

– Как странно ты вырядилась, Мирэ! Еле-еле тебя признал, – рассмеялся Юниэр. – Сними хотя бы это, – он стащил с ее головы косынку.

– Если будешь дерзить, я сразу уйду, – предупредила Мирэя.

– Не будь такой строгой, – Юниэр протянул ей букет. – Эти незабудки для тебя!

– А этот редкостный платочек для тебя, – преподнесла Мирэя свой дар.

– Ого, – усмехнулся Юниэр, – мы уже начали заботиться друг о друге! – У него тоже были платки для них обоих.

Поначалу Мирэя чувствовала себя неловко. Но Юниэр был нежен и предупредителен. Вскоре она прыскала от смеха, когда он жарко нашептывал ей на ухо забавную смесь из комплиментов, шуток и веселых импровизаций.

– А ты знаешь, что нас все еще ищут? – спросил он вдруг, когда к принцессе вернулось безмятежное настроение.

– Кто? – насторожилась она.

– Понимаешь, – объяснил Юниэр, – Сиреневая ночь – древний праздник, и у него есть законы, которые мы нарушили. Выбор четы делают не просто судьи, а колдуны. Эта чета необходима для равновесия на весь последующий год. Мы нарушили это равновесие, поэтому колдуны предвещают ненастья, мор и другие бедствия, вплоть до гибели Сундара.

– Ты шутишь? – Мирэя сжалась внутри, пытливо вглядываясь в его лицо.

– Нет, это серьезно, – виновато пожал плечами Юниэр. – Я наслушался разговоров.

– Но почему они выбрали нас? – воскликнула Мирэя.

– А это от них не зависит, они выбирают тех, кто светится. Нормальным людям этого не видно, а тем, кто разбирается в ворожбе, заметно.

– Я тоже вижу. Юниэр, давай уйдем, мы и сейчас светимся!

– Светимся, – согласился Юниэр, – но ты не бойся. Люди нас не ищут, только колдуны.

– Хорошенькое утешение!

– Не волнуйся. Народ колдунов не любит и хочет сам принимать решения. Люди просят не портить им праздник, поэтому они сами выбрали Сиреневых королей и сегодня будут их чествовать. А мы посмотрим.

– Я не хочу! Это опасно.

– Вперед, милая. Мы будем на острие событий, а это неповторимые ощущения. Не бойся ничего. Ну что? Начнем с карусели?

– Юниэр, – вкрадчиво произнесла Мирэя, – мне хочется, чтобы мы были только вдвоем, уйдем отсюда.

Но тут ей стало нехорошо.

– Легковерная, – произнес хриплый голос, – а если я и есть колдун? – Лицо Юниэра расплылось и обратилось в темную, злобную маску. А взор из-под маски пронзал ненавистью. – Твой Юниэр мертв, лежит с усохшей звездой любви в бескровной ладони.

Мирэя потеряла сознание.

Очнулась она в таверне. Вокруг суетились люди. Она лежала на коленях у Юниэра. Он обнимал ее, слегка покачивая, и не мог понять, что же на нее так подействовало. Его лицо светилось лаской и любовью. Юниэр напоил ее пуншем, и она немного успокоилась.

С улицы послышался шум: бой барабанов и медный гул труб.

– Что это? – засуетились люди и многие выбежали из таверны.

– Шествие Сиреневых королей, – радостно сообщил кто-то, и тогда уже все, в том числе и Юниэр с принцессой, выскочили на улицу, но из-за толчеи ничего не увидели.

– На крышу! – сообразил Юниэр.

Посетители таверны вняли его призыву. Сам хозяин первым влез наверх, а когда он решил, что зрителей на крыше достаточно, то стал спихивать лишних. Потом зрелище приковало его внимание, и он оставил возню.

Процессия приближалась. Впереди, на конях, восседала избранная пара, вокруг развевались золотые знамена. Люди в радостном возбуждении подбегали к королевской чете и бросали цветы.

– Этот год принесет нам много золота, – многозначительно произнес хозяин таверны. – Посмотрите, сколько желтых тюльпанов, лимонных лилий и золотых нарциссов.

– Этот год принесет нам много крови, – откликнулся надтреснутый старческий голос.

– А, ты из этих, – презрительно процедил хозяин, – колдуны проклятые, кармаете и кармаете, никакого от вас проку.

В это время избранные были уже у таверны. Разглядеть лица было сложно: на короле была широкополая шляпа, на королеве – фата. Девочка, лет тринадцати, высыпала из корзинки маки. Они попали на золотой плащ короля и зазмеились по нему, как струйки крови. Королева обернулась на мгновение.

– А она похожа на меня, – прошептала Мирэя.

– Вот она! – раздался неожиданно пронзительный возглас.

Внизу у таверны стояла старуха и клюкой указывала на Мирэю.

– Принцесса! – прошипела она, – спуталась с солдатом, шлюшка.

Мирэя остолбенела.

– Бежим, – прошептал Юниэр, – но она не двигалась.

Старик с надтреснутым голосом тоже изучал ее, потом вдруг кинулся вперед.

– Держи ее, Терлок! – визжала старуха.

Колдун попытался схватить Мирэю, но Юниэр был начеку и оттолкнул его.

– Обожжешься, недоумок, о королевскую плоть! – пригрозил он.

Терлок свалился с крыши прямо на старуху.

– Получила, Гарпия! – засмеялся кто-то.

Не теряя времени, Юниэр и Мирэя спрыгнули с другого конца крыши и помчались что есть мочи.

– Никуда не убежите! Светитесь, предатели, – кричала им вслед разъяренная Гарпия.

– Все как-то по-дурацки в этом году, – вздохнул хозяин таверны, слезая с крыши.

Юниэр буквально втолкнул принцессу в небольшое, напоминающее карету, помещение с окошком. Мирэе показалось, что вихрь понес ее с запредельной скоростью вверх, к солнцу, а потом она, закрыв глаза от страха, упала вниз, в глубокую яму.

– Что это? – закричала она.

– Карусель, Драконьи горки, – невозмутимо отозвался Юниэр. – Мы летим в Зеркальные пещеры.

Скоро они уже скользили по гладкому полу Зеркальных пещер.

"Странно, – думала принцесса, – столько народу спешило сюда, а мы тут как будто одни". Они медленно передвигались по длинным коридорам, волшебные зеркала завораживали их. Мирэя пристально вгляделась в одно из них и не увидела рядом Юниэра; вместо него ее спутником был огромный белый зверь, похожий на могучего волка. Сама она, закутанная в фиолетовый плащ, поднималась вверх по лестнице к алтарю на вершине Шанды. Она показала себе взрослой и значительной, обладающей силой. Потом ее взору предстало иное видение: она лежала на камнях, в пустыне, ей было так горько, так нестерпимо больно, как будто она потеряла близкого человека. Серая тень быстро пронеслась мимо, и из ее груди вырвался хриплый жалобный крик: "Чернолун!" И эхо повторило душераздирающий вопль: "Чернолуун!" Она лежала как мертвая, лицо посерело. Опять подошел белый волк и лизнул ей руку.

Видения взволновали Мирэю, она не только видела, но и ощущала все. Девушка недоуменно взглянула на запястье, которого только что коснулся шершавым языком неведомый зверь. Последним, что привиделось ей, была огромная сокрушительная волна, которая сомкнулась у нее над головой.

– Что видел ты, Юни? – спросила Мирэя.

Лицо любимого было грустным.

– Я уйду в горы, – вздохнул Юниэр, – туда, где только снег и не бывает весны.

Он не договорил. Внезапно они оказались в большом зале, залитом слепящим светом, и Мирэя зажмурилась.

– Вот мы и встретились, – раздался вкрадчивый голос. – Почему ты, дочь Киннара, бежала вчера от Сиреновой короны?

– Я подумала, что будет лучше, если ее получит более достойная девушка, – ответила Мирэя.

– А зачем ты пошла на чужой праздник?

– Это мое дело! Не за короной же, – рассердилась принцесса.

– Ну а ты, Юниэр Неизвестный, почему убежал?

– Я должен был сидеть в засаде, далеко от праздничной поляны. Но какое ты имеешь право задавать такие вопросы? – раздраженно спросил Юниэр. – Это не честно, ты нас видишь, а мы тебя нет, выходи.

– Мне это ни к чему, – спокойно возразил голос. – Я буду вашим незримым приговором. Вы должны умереть!

– Это почему же? – возмутились в два голоса Юниэр и Мирэя.

– Посудите сами, разве может быть две королевские пары? – объяснил колдун. – Люди избрали других кумиров, а вас придется убрать, чтобы сохранить равновесие. Мы вас засыплем песком, вам даже не придется расставаться.

– Не слушай его, бежим, Мирэ! – шепнул ей на ухо Юниэр.

Мирэя не заставила себя упрашивать, и они помчались по узкому коридору. Свет тут же пропал. Было скользко, девушка упала на живот и, помогая себе руками, въехала в темный туннель, по которому ее стремительно понесло головой вниз.

– Не уйдете! – услышала она след.

Приземлившись, Мирэя бросилась к выходу. Ее остановил стражник:

– Предъявите платок, девушка, – приказал он, – знаю я вас, второй раз захотите зеркала разглядывать. Больше не положено.

– Сейчас, сейчас, – засуетилась она, развязывая узел, – вот, возьмите – век бы не глядела в ваши зеркала.

Ее выпустили, и она постаралась затеряться в толпе. "Бежать! Сейчас же во дворец! Но, как же Юниэр? Где он? Неужели его схватили?" – Без него она не могла уйти.

Вдруг она услышала знакомый вкрадчивый голос. Из пещеры вышли колдуны в черных плащах. Их было трое, и все – на одно лицо. "Мы пропали!" – подумала Мирэя. Но тут раздался громкий звук рога, и толпа расступилась. К пещере подъехал всадник, он держал на поводу еще одного скакуна, в котором она узнала Чернолуна.

– Дорогу вестнику короля! – зычный голос перекрыл гул толпы. – Садитесь, принцесса, – обратился к ней посыльный.

Мирэя видела, как руки старцев поднялись одновременно, и поняла, что они плетут против нее заклинание. "Яро осты", – вдруг слетели с ее губ неизвестные слова. Колдуны отдернули руки, как будто им обожгло пальцы. Пользуясь их замешательством, Мирэя вскочила на Чернолуна, и конь вынес ее из толпы. Они направились во дворец. На полдороги Мирэя вспомнила, что надо поблагодарить спасителя, но всадник исчез.

Когда она подъехала к дворцу, сердце ее сжалось. Ей показалось, что все люди исчезли, вымерли – так пусто было вокруг. Копыта Чернолуна громко стучали по плитам. Не было и стражников у входа во дворец. "Что случилось? Где все?" – девушка похлопала скакуна по шее, ища поддержки у друга, и тут же всем телом ощутила, что конь тверд и холоден, как мертвец. Мирэя в панике спешила и поспешила во дворец. Было жутко, хотелось поскорее встретить хотя бы одну живую душу и узнать, наконец, что же случилось. Но всюду ее встречала пустота, нигде никого не было. "Они ушли или умерли?" – гадала Мирэя. Тут она услышала стон и определила, что он доносится из кабинета отца. Через мгновение открыла тяжелую дверь и вошла к нему. На диване лежал король, весь в белом, и смотрел на нее угасающим взором.

– Отец! – кинулась к нему Мирэя, схватила его руку и прижала к себе. Король слабо улыбнулся.

– Что произошло?! – спросила принцесса. – Где люди?

– Все оставили меня, – вздохнул Киннар. – А я оставляю тебя.

– Не говори так! – возмутилась Мирэя. – Ты не можешь так поступить. Ты еще полон сил, а я ребенок.

– Ты смелая, у тебя сильный характер, я знаю, что могу оставить на тебя свой народ.

– Прошу тебя, не надо, – всхлипнула Мирэя, – я одна, и мне страшно. Не умирай.

– В тебе вся надежда Сундара, моя храбрая девочка. Я знаю, какое трудное время грядет.

Обратись за помощью к нарисейцам, вместе вы справитесь.

– Глупости, мне ни за что не разобраться в вашей политике. Зачем ты уходишь, когда все так сложно? Ты же должен меня научить, выдать замуж. Тебе еще рано!

– Нет. Мне пора, – грустно взглянул на нее Киннар. – Твоя мама пришла.

Мирэя обернулась. У окна стояла высокая женщина в длинном платье, с водорослями в распущенных волосах. Вся комната наполнилась мягким зеленоватым светом. Женщина с нежностью и состраданием смотрела на принцессу.

– Ты пришла, Феорена! – воскликнул король, и Мирэя увидела, как Киннар легко отделился от дивана, как будто он нисколько не весил. Феорена подошла к мужу и подала ему руку.

– Ничто не разлучит нас теперь, – прозвучал ее чарующий голос. Она обняла короля, и они медленно пошли к окну.

– Подождите! – воскликнула Мирэя. – Я хочу с вами.

– Еще не время, – печально посмотрела на нее Феорена. – Не бойся. Я буду помогать, когда будет очень трудно.

Король с королевой ушли. А она осталась одна. Впрочем, одна ли?

В тронном зале творилось что-то неладное. Всмотревшись, она увидела серые бесформенные пятна, которые приближались к ней. Девушка ощутила их ненависть. Мелькнула мысль, что надо добраться до своей комнаты – там спасение. Она побежала, но серые духи не отставали. "Не уйдешь – шипели они, – потому что наша!" Дверь в ее спальню была закрыта. Мирэя в бессилии навалилась на нее и поняла, что сейчас безликие серые высосут из нее все живое, и останется только пятно на стене. Тогда она вдруг повернулась, посмотрела прямо на них и грозно сказала: "Шиар!" – Голос ее был повелителен и тверд. Духи съежились, их словно отбросило назад к лестнице. Приложив ладонь к двери, она ласково, но требовательно произнесла: "Мират кунур". Дверь открылась, и ее швырнуло вовнутрь. Падая, девушка больно ударила головой и потеряла сознание.

Когда она очнулась, за окнами уже вечерело. Мирэя лежала рядом с кроватью и с удивлением разглядывала свою комнату; ее поразило, что дверь была заперта. Через некоторое время послышался тихий настойчивый стук в окно. Она встала и, преодолев страх, отдернула штору. За стеклом она увидела... Юниэра.

Без колебаний она открыла запоры. Юноша оказался рядом, и Мирэя кинулась ему на шею.

– Наконец-то ты пришел!

Вид у Юниэра был ошеломленный. Он прижал ее к груди и спросил:

– Не могу взять в толк, моя принцесса, утром ты не желала меня видеть, а сейчас встречаешь, как самая пылкая любовница. Стоит постучать к тебе в окно, и ты – вся нараспашку!

– О, Юни! – воскликнула принцесса. – После того, что мы пережили, разве могу я вести себя иначе? Как тебе удалось вырваться из лап колдунов?

– О чем ты? – удивился Юниэр. – Каких колдунов? Я торчал на площади один как перст, ждал, но ты не пришла! Вот я и решил рискнуть и явился сюда сам.

– Они лишили тебя памяти! – заплакала Мирэя. – Тебя пытали? Скажи, ты меня еще любишь? Об этом ты не забыл?

– Люблю, хотя ты, кажется, сошла с ума. Прошу, не кричи так, тебя слышно во всех закоулках замка.

– Там никого нет, Юниэр, – вздохнула принцесса. – В замке живы только мы. За дверью – злые, голодные духи.

– Ты озадачиваешь меня, девочка, – всерьез задумался Юниэр. – Расскажи все по порядку, может, я вспомню что-нибудь.

Выслушав страстный рассказ Мирэи, очень сопереживая ей и осыпая поцелуями в самые острые моменты, Юниэр вздохнул.

– Ты мне не веришь! – сказала она, испытующе глядя на него.

– Просто завидую, – возразил Юниэр, – у тебя было столько приключений. А теперь слушай. Дворец не пуст, напротив, он переполнен. На завтра назначено обсуждение государственных планов Киннара, и съехались все министры и полководцы. К Совету через несколько дней подключатся нарисейцы. За ними сегодня поедет фейр. Пока я лез к тебе, пришлось заглянуть в некоторые окна. Поверь мне, всюду люди едят, пьют, разговаривают, но в основном готовятся ко сну, так как уже поздно.

Я был на площади Хема. Никто о нас с тобой не вспоминает, и уж, конечно, не охотится. Нет в городе и Зеркальных пещер. Правда, новую пару действительно выбрали. А все остальное в твоём сне... какой-то бред.

– В моем сне? – принцесса понемногу приходила в себя. – Невероятно!

– Конечно! – возразил Юниэр. – То, что меня заколдовали охотники за влюбленными, более вероятно. И весь город приобрел сиреневые платочки, а ты доехала до дворца на мертвом коне. Никогда еще не слышал такой занимательной правды!

– Значит, папа жив? – она глядела на Юниэра сияющими глазами.

– Разумеется, – усмехнулся Юниэр, – папа жив. А его ленивая дочка полдня почивала, в то время как ее несчастный возлюбленный метался по огромной площади, обманутый и никому не нужный.

– Никогда еще я не просыпалась такой счастливой, – улыбнулась Мирэя.

– Правда? – Юниэр приблизил к ней лицо и посмотрел в глаза. Ей стало вдруг легко и страшно одновременно.

– Так что же? – Юниэр медленно подбирал слова, – теперь, когда ты знаешь, что мы ничего не испытали вместе на площади Хема, ты меня выгонишь?

– Нет, – еле выдохнула она.

Кому же под силу описать эти блаженные мгновения, когда сталкиваются вместе две горячие юные страсти? Благодаря Юниэру девушка забыла свой страшный сон, шутками он развеял все ее сомнения. Они уснули ранним утром утомленные и счастливые.

Но отдохнуть им не пришлось: во дворце начался переполох, послышались стенания и крики. Они выбежали из комнаты. Мирэя увидела служанку и схватила ее за руку.

– Что произошло?

Та испуганно посмотрела на нее, потом опустила глаза:

– Король убит, – тихо сказала она.

– Нет. Этого не может быть, – Мирэя побледнела.

Опомнившись, она побежала вниз по ступеням. Все расступались, давая ей дорогу. Мирэя вошла в кабинет отца.

Киннар лежал на диване, в груди его зияли темные раны. Неподвижное лицо короля казалось растерянным – смерть застала его врасплох. Кто-то напал на него спящего, когда он, уставший после переговоров, лег отдохнуть, как оказалось, в последний раз.

В комнате было много людей, и все молчали. Мирэя не замечала их. Она целовала холодную руку короля и горько плакала. "Папочка, милый мой, ну как же так. Если б я только поверила в сон, – причитала она. – Тогда бы ты остался жив!"

Мысль о том, что она могла бы предупредить его, защитить, забрать в свою комнату, всю ночь сторожить его сон, терзала ее.

Она гладила лоб короля и его бороду, но он не оживал. Он ушел навсегда неизвестной дорогой мертвых, а она осиротела.

В маленькой комнате, смежной с кабинетом, Мирэя сидела в кресле, уставившись в пространство невидящим взором. Все стало ей безразлично. Она не знала, кто привел ее сюда, что за суэта происходит в кабинете. Перед нею расхаживал Зарад и в чем-то горячо убеждал ее, но она не слышала, о чем он говорил.

– Я знаю, как вам больно, принцесса. Это тяжелая утрата. Но мы не можем горевать над останками нашего благодетеля, мы должны найти и наказать убийцу! Вы понимаете, о чем я говорю? Это же заговор!

Но Мирэя не понимала. "Это я убила его", – думала она.

Однако молчание ее не остановило Зарада.

– Дориан убил его, он нарисейский лазутчик! Негодяй под маской дружбы проник во дворец! Ваш отец, как ребенок, верил в благие намерения нарисейцев, а они хотят только власти. О, принцесса! Вы уже королева. Если враги уничтожат вас, им никто не помешает захватить Сундар. Надо принять меры! Прикажите отправить королевскую армию на разгром Нарисеи.

По отрешенному взгляду Мирэи Зарад понял, что та не слушает его. Тогда он протянул ей лист бумаги.

– Вашу королевскую подпись.

Мирэя машинально расписалась. И Зарад, довольно кивнув, вышел.

Через некоторое время, ход которого совершенно перестал занимать Мирэю, в комнату ворвалась разъяренная Айрен.

– Что ты наделала! – закричала она.

В другой раз Мирэя удивилась бы состоянию подруги. Всегда спокойная, уравновешенная Айрен была разгневана, но Мирэя не обратила на это внимание.

– Мирэ! – почти кричала Айрен. – Ты сошла с ума! Ты подписала... ты отправляешь всех на войну. Зарад разжигает в солдатах злобу против фейров. Пойми, они здесь ни при чем! Я была при прощании короля и Дориана и сама провожала его. Когда он ушел, король был жив! – Айрен говорила сбивчиво и чуть не плакала, но Мирэя обращала на нее не больше внимания, чем на Зарада.

– Я должна предупредить нарисейцев! Дай мне Чернолуна, иначе уже не успеть.

– Хорошо. Ты можешь взять Чернолуна, – ответила Мирэя безучастно.

"Что происходит в мире? Почему все так стремительно и озабочены? Ведь при папе было спокойно. Неужели он никогда больше не придет, и некому будет навести порядок?" – думала Мирэя.

– А ведь так нельзя, моя хорошая! – вдруг услышала она голос Юниэра.

Он обнял ее за плечи. Ему хотелось ее утешить. Но можно ли утешить, когда утрата огромна и неожиданна? Он скользнул вниз и сел у ее ног, обхватив руками колени. Его прикосновения вывели ее из столбняка. Мирэя всхлипнула.

– Ты думаешь, что о нем сожалеешь, – говорил Юниэр, – но ничего дурного в смерти нет. Мы боимся умирать, потому что не знаем, как оно там будет. Не хотим расставаться со своими любимыми, знакомыми, привычками. Может, по ту сторону бытия ему будет лучше. Иначе, какой был смысл Нару давать нам такие короткие жизни? Вспомни свой сон! Король был счастлив, потому что встретился с любимой женой, ушел с ней вместе. Так?

– Да, – кивнула Мирэя.

– Ну вот, и тогда кого ты жалеешь? Себя. Ты потеряла любимого человека. На тебя свалился груз королевской власти, ответственность за людей. Ведь так? Но жалеть себя неблагоприятное дело. Согласна?

– Почему же, – зарыдала Мирэя, – я живая, мне больно, и я очень несчастна оттого, что все так, как есть. Я хочу по-другому! Я не могу вот так, совсем одна.

– Разве ты одна? Я люблю тебя, наши пути больше не разойдутся. Ты мне доверяешь?

Он ласково гладил ее, а Мирэя плакала и плакала. Ей стало легче, когда она высказала все, что терзало ее, и нарыдалась в его надежное плечо.

– Ну вот, ты больше себя не жалеешь? – улыбнулся Юниэр.

– Совсем немного, – вздохнула она.

– Но не настолько, чтобы из-за этого погибли сейчас сотни людей? – допытывался Юниэр.

– Что? – не поняла Мирэя.

– Ты подписала приказ о начале военных действий, – напомнил Юниэр. – Армия Зарада, объединившись с королевской гвардией, выступила в поход. Они нападут на нарисейцев и фейров. А ведь король считал их союзниками и настоятельно просил свою дочь искать у них поддержки и помощи.

Только сейчас поняла Мирэя, что она натворила.

– Как же быть? – растерялась она.

– Исполнять волю короля, – решительно заявил Юниэр. – И исправлять свои ошибки. Надо остановить войну, а это совсем непросто. Зарад умеет производить нужное впечатление на воинов, солдаты горят ненавистью к «убийцам» короля. Нарисейцы очень нуждаются в твоей защите. Только если ты сама окажешься на поле брани, возможно, удастся спасти положение.

– Ты поедешь со мной?

– Вот это мне по душе! – воскликнул Юниэр. – Конечно, я помогу тебе. Мы не позволим Зараду пролить невинную кровь.

– Чернолун у Айрен, она предупредит нарисейцев об опасности, – вспомнила Мирэя. Медлить нельзя. Из-за того, что она так расклеилась, может случиться непоправимое. Отца очень бы расстроил ее поступок, но она все исправит.

– Ты найдешь хороших лошадей?

– Еще бы! – заверил Юниэр.

Принцесса наскоро переделалась и покинула замок, ничего не объясняя.

Два всадника гнали лошадей; от них зависели судьбы многих людей.

Войско, разжигаемое пылкими выступлениями военачальника, столкнулось с нарисейцами раньше, чем предполагал Зарад.

Торий с сыновьями и десятком своих людей поднимались на вершину Шанды, к священному алтарю. Редко кто посещал это место в последние годы: в народе царствовало религиозное безразличие. Люди обиделись на Нара, сочли его несправедливым и нечутким богом, равнодушным к их жизни. Нарисейцы продолжали чествовать его, но старались делать это тихо, чтобы не возбуждать ссор.

На обратном пути они встретили Дориана, который доложил им о совещании у Киннара. Его рассказ обнадежил Тория. Он симпатизировал королю и не ожидал подвоха: король был честен и надежен. Но осторожными быть не мешало. Врагов у нарисейцев было много, особенно теперь, когда племянник короля, Зарад, находился в Сундаре. Торий посоветовался с друзьями и решил вернуться в Нарисею, чтобы взять с собой больше людей. Подстраховать себя на всякий случай, хотя Киннар обещал дать им охрану.

Вдруг всадники услышали отдаленные звуки рога.

– Что это? – спросил Эбрус, старший сын Тория. – Сундарцы охотятся?

– Возможно, – пожал плечами его отец, – но лучше поторопиться, чтобы не попасть под их стрелы.

В этот миг на дорогу вылетели черный конь и – отдельно от него – Айрен. Нарисейцы придержали коней и воззрились на нее в изумлении. Чернолун проржал что-то высокомерное, что могло означать: "Тоже мне наездница". Он встал рядом с ней, полагая, что свое дело сделал.

Первым опомнился Дориан.

– Айрен, – бросился он поднимать ее, – что случилось? – Она оперлась на его локоть, одарив благодарным взглядом.

– Вы в опасности! – быстро заговорила она.

– Чего же мы опасаемся? – усмехнулся Эбрус, находивший эту сцену забавной. Айрен тревожно посмотрела на него и продолжила:

– Король убит. Убийцей считают Дориана. Зарад ведет свою армию на Нарисею. Они уже близко, еще немного и будут здесь.

– Киннар убит? – переспросил Торий, не желая верить услышанному.

– Вы должны защитить себя. Принцесса – еще ребенок, и она тяжело переживает смерть отца, чем и воспользовался Зарад.

– Это невозможно! Несправедливо! – простонал Эбрус. – Почему судьба благоволит к таким, как Зарад, а лучшие люди умирают до срока? Сундар обречен, нет сомнения, Сундар обречен.

– Прекрати сейчас же! – приказал Торий и обратился к Айрен.

– Есть ли надежда, что мы договоримся мирным путем?

– Думаю, что нет.

– Надо задержать их, иначе Нарисее конец, – рассудил Торий.

– Эбрус, скачи в Нарисею и убеди всех спрятаться. Мы постараемся задержать Зарада.

Вперед!

– Нет! – попробовал возразить Эбрус. – Я не могу бросить тебя в такое время.

– Не медли! Чтоб духу твоего здесь не было, именем Нара заклинаю тебя. – Встретившись с непреклонным взглядом отца, Эбрус повиновался.

– Да хранит вас благая Явь! – крикнул он на прощанье.

Уже не только звуки рога, но и топот копыт был слышен. Сотни всадников мчались вперед, желая отомстить убийцам короля.

– Серебряная Струя недалеко, попробуем добраться до нее, – предложил Торий, – тогда она послужит границей, пусть символической. Но, может, мы успеем переброситься парой слов. Все лучше, чем просто вступить в драку.

Все согласились с ним, так как времени для споров не оставалось. Дориан подошел к Чернолуну и ласково потрепал его по шее. Фейры и животные легко понимают друг друга. Дориан оседлал Чернолуну и помог Айрен взобраться на него.

– Я вижу их! – закричал один из первых всадников. Зарад и другие остановились. Торий был прав. Серебряная Струя – небольшая речка, в три скачка конь мог бы преодолеть ее, но психологически она оказалась барьером. Горстка нарисейцев стояла у небольшой рощицы.

Айрен уговорила Дориана спешиться и уйти в тень, рассудив, что его присутствие вызовет приступ бешенства на том берегу. Торий поднял вверх белый плащ, что означало желание переговоров.

– Вот они, – усмехнулся Зарад. – Ждут своего шпиона. Им не терпится узнать, как он справился с заданием.

– Убийцы! – закричали солдаты.

– Не спешите, – заметил Диленар – я вижу Чернолуна.

– Ты врешь! – Зарад внимательно всмотрелся в группу на берегу и увидел коня принцессы.

Он также узнал Тория. В дни юности Зарад был дружен с ним, они вместе делили тяготы походной жизни и выручали друг друга в сражениях. Предки Тория традиционно входили в совет короля. Но потом властитель Маулина стал потворствовать нарисейцам, укрывать их в своих владениях от справедливого гнева короля Ханимара. Именно тогда, опасаясь бунта, Ханимар закрыл Западную Гавань и выслал всех жителей Маулина в Нарисею, где с тех пор они жили под надзором королевских гвардейцев. В стычках с гвардейцами погибли отец и братья Тория.

Придя к власти, Киннар не раз пытался пригласить Тория ко двору и дать ему место в совете, но сталкивался с сопротивлением министров. Многие годы короли Сундара и их приближенные разжигали в людях ненависть к фейрам, шанкарам и всему, что с ними связано. Эту вековую неприязнь невозможно было изжить в одночасье. Тем более, пока королю противостоял влиятельный и популярный в Сундаре племянник, внук Ханимара, достойный преемник деда. Теперь, когда король-миротворец умер, Зарад чувствовал, что он близок к цели. Как гончий пес, вожак стаи, стоял он на берегу Серебряной Струи, готовый к решающему прыжку. Одно его слово, и солдаты растерзают нарисейцев. Но мысль о том, что придется уничтожить Тория, больно кольнула Зарада. Он медлил. Солдаты ждали.

– Торий! Почему я вижу тебя среди мятежников? Фейры задумали свергнуть королевскую династию и захватить власть над Сундаром. Фейр убил Киннара. Оставь злоумышленников, и мои люди не тронут тебя. – Зарад давал бывшему товарищу последний шанс.

Торий отверг его без колебаний.

– Это ложь. Фейр не убивал Киннара. Король был дружен с фейрами, у них не было причин его ненавидеть. Мое сердце скорбит о постигшей Сундар утрате, но напрасно ты ищешь виновников злодеяния среди нарисейцев. Твое обвинение лишено оснований.

– Ты покрываешь преступника, – Зарад посерел от гнева. – Колдовская паутина надежно опутала твои мозги. Пренебрегая своим родом, ты служишь чужому, враждебному племени!

– В моем роду фейры всегда считались братьями. Они не были и не будут для меня враждебным племенем, – спокойно ответил Торий на его выпад. – Прислушайся к голосу разума, ты не можешь обвинить фейра в покушении на короля.

– Я провожала фейра в дорогу, – поддержала его Айрен. – Когда он ушел, король был жив. Не он убийца.

– Скажи тогда, кто? – усмехнулся Зарад. – Наивная женщина. Почему ты защищаешь фейра? Чего ты хочешь от него? Бессмертных детей?

Солдаты засмеялись.

– Смерть короля должна быть отомщена! – выкрикнул Зарад. – Мирэя признала, что фейры замышляют переворот. У меня в руках приказ, подписанный ее рукой, приказ уничтожить мятежников. Слышите? Что же вы медлите?

В нарисейцев полетели стрелы. Одна стрела вонзилась в бедро Дориана, и Айрен кинулась к нему.

– Бей их, круши! – кричали солдаты, теряя разум. Многие кинулись переходить вброд Серебряную Струю. Нарисейцы обнажили мечи.

– Стойте! Прекратите! – раздались вдруг повелительные крики. На поляну выскочили всадники. – Именем короля, все назад!

Зарад обернулся. "Это еще кто?" – подумал он и увидел Мирэю.

– Принцесса? Почему вы здесь? – изумился Зарад.

– Потому что я подписала этот указ случайно. Вы составили его без моего ведома, кузен. Я не знала, что написано в этой бумаге, и теперь отменяю приказ. Слышите?

Солдаты остановились и с любопытством смотрели на нее.

– Вы знаете, какое горе постигло меня. Мой отец, ваш король, был бы против этой войны. Я снимаю ответственность за месть убийцам с Зарада. Убийца еще не найден. Я беру расследование на себя. А фейры и нарисейцы тут ни при чем.

Искренняя и уверенная речь принцессы тронула солдат. И Юниэр, и Зарад ощутили силу, исходившую от нее.

"А девчонка выросла", – нахмурился Зарад.

– Принцесса, – вкрадчиво заговорил он, – вы обижаете меня, снимая ответственность за месть убийцам, но Киннар был не только вашим отцом, но и моим дядей. Поэтому, мой долг наказать преступников. Вы еще очень, очень молоды, поверьте опытному воину, который не может ошибаться. Фейры виновны во всем.

– Нет, – возразила Мирэя. – Когда Дориан ушел, король был жив – два свидетеля могут подтвердить это. Киннар поручил фейру пригласить на Совет нарисейцев и обещал дать им охрану. Зачем им убивать короля, который восстановил мир с ними? Если кому-то и выгодно было убить Киннара, то только не им. Вы собираетесь напасть на Нарисею и убить невинных людей. Пока убийцу не найдут, не будет никаких действий. Я приказываю вернуться в столицу и объявляю неделю скорби. Я больше не принцесса, а королева Сундара. Повинуйтесь.

Зарад был взбешен. Как она смеет ему перечить! О, эти безумные законы. Он думал, что легко будет руководить ею, но Мирэя, оказалась упрямой и, похоже, с молоком матери всосала эту непонятную благосклонность ее родителей к фейрам. И почему рядом с ней Юниэр? Он его подчиненный и должен быть в войске.

– Юниэр! – возмутился Зарад. – Почему ты не выступил в поход вместе с армией? Ты нарушил боевой приказ.

– В такое время вы говорите о каких-то мелочах, – рассердилась Мирэя.

– Это не мелочи. Если солдаты будут нарушать боевую дисциплину, армия превратится в хаос, – возразил Зарад. – За нарушение приказа я вышлю его в Крор без права возвращения в Сундар!

– Вы не вышлите его в Крор! – упрямо заявила Мирэя.

– Это почему же, Ваше Величество? – усмехнулся Зарад.

– Потому что он... он – мой муж. А не ваш воин. Он ваш король.

С двух берегов Серебряной Струи все возрились на Мирэю в изумлении. Не меньше других был удивлен и неожиданно коронованный Юниэр. Солдаты перешептывались.

– Поздравляем, Юн! – раздалось несколько голосов.

Зарад схватился за голову.

– Постойте, но когда вы успели? Вы не обручены!

– Мы обручены, – отрезала Мирэя.

Солдаты в строю шептались все громче и спорили, указывая на Мирэю и Юниэра.

– Да, говорю тебе, это они!

– Точно, и я теперь вижу. Вот это трюк!

– Когда это вы успели? – не отставал Зарад.

Мирэя молчала. Юниэр улыбался.

– Мы обручились Сиреновой ночью, – сказала Мирэя, подъехав к Зараду ближе, – по древнему закону. И после того, как закончится траур, – вздохнула она, – мы проведем обряд по сундарскому закону.

Зарад ничего не смог возразить. Уже тысячу лет никто из сундарских королей не обручался по древнему закону, но связи, обретенные таким образом, считались нерушимыми, и все признавали такой брак.

"Девчонка оказалась уж очень шустрой, – в который раз подумал Зарад. – А Юниэр ослушался моего приказа еще и в Сиреневую ночь. Это ему так не пройдет". – Он отдал войску приказ возвращаться, и солдаты повернули вспять. Им было, что обсудить по дороге.

Мирэя и Юниэр переправились через Серебряную Струю, переговорили с Торием и его людьми, проводили их в Нарисею. Там было безлюдно – все попрятались в ожидании расправы. Торий привел почетных гостей в свой дом. Они долго говорили о будущем государства. Позже к ним присоединился Эбрус.

Раненого Дориана сопровождала Айрен. Они добрались до его дома – большого шатра, усыпанного серебряными звездами. В нем было светло и прохладно.

– Как красиво! – восхитилась девушка. – Ты живешь здесь один?

– Да, – ответил он, опираясь на ее руку немного дольше, чем следовало, когда она помогала войти ему внутрь.

– Ложись и отдыхай, – сказала Айрен, усаживая Дориана на циновку, – а я позабочусь о твоей ране.

– Все будет в порядке, она сама заживет, – смущенно улыбнулся Дориан.

– Молчи, я знаю толк в этом деле, – возразила Айрен.

Она достала из походной сумки лечебные травы и стала смешивать в нужных соотношениях.

Дориан внимательно следил за сосредоточенными движениями ее рук. Он познакомился с ней во дворце несчастного Киннара. Девушка подала ему воду для умывания после долгой дороги. У нее был ласкающий взгляд, и смотрела она так пристально. Он возражал против ее помощи, но она настояла на том, чтобы вымыть ему голову, шею и спину. Такая непосредственность смутила его. Ему показалось, что девушка обидится, если он отвергнет помощь. Он сидел, изумленно глядя на нее в зеркало, и слушал, как она поет, любовно расчесывая его кудри. Поймав в зеркале его взгляд, она сказала: "Я никогда не видела фейров так близко. Ты очень красивый".

Когда он уходил, она собрала сумку еды в дорогу и вручила едва не насильно. Айрен прижалась на мгновение к его груди и сказала: "Возвращайся поскорее, пожалуйста". Девушка вызвала в нем непонятное чувство, она его тревожила.

Он задумчиво глядел на нее, припоминая касания ее рук. У нее был изумительный тонкий профиль и светлые волосы. Айрен смело взглянула на него; он встретил ее взгляд и с радостью заметил, что она краснеет.

– Подай мне зара, – попросил он, указав на серебряный графин.

Айрен легко поднялась и наклонилась за графином.

Фейр пригубил кубок и воскликнул:

– Да он забродил, его хозяин слишком долго отсутствовал!

– Это не опасно? – встревожилась Айрен.

– Нет, зар не может принести вреда. Попробуй, – предложил он и протянул ей графин.

Она послушалась и выпила пенный напиток. Он с удовольствием наблюдал за ее движениями.

– Ну как? – спросил он.

И снова она подарила ему тревожный взгляд.

– Голова кружится... а у тебя?

Он поцеловал ее запястье. Айрен начала бережно разматывать бинты. Когда последний слой оторвался от раны, стало больно, но он стиснул зубы и не застонал. Тонкими, сильными пальцами Айрен смазала рану целебной мазью.

Когда Айрен увидела фейра, ее молодое здоровое сердце впервые забило неровно. Ей хотелось смотреть на него, трогать, гладить, а остальной мир стал каким-то маленьким и неинтересным.

Вот и сейчас, голова кружилась вовсе не от зара. Она не просто лечила рану, но старалась перелить в него свою силу и любовь.

Дориан понял, что она полностью поглощена его исцелением, и почувствовал, как через движения ее гибких пальцев в него входит горячая волна энергии. Айрен не выдержала напряжения и закрыла глаза.

– Айрен, Айрен, что с тобой? – испугался Дориан. Он погладил ее волосы и удивился их мягкости. – Айрен! – шептал он, невольно касаясь губами ее лба.

Она открыла глаза.

– Я... я, – его взгляд ободрял ее, – хочу быть твоей женой. – И испугавшись своих слов, она уткнулась лицом ему в грудь.

Дориан не отстранился. Ее слова не показались абсурдными, он чувствовал, что так и должно быть. Никто, кроме нее, не может быть его женой. Он молчал, задумавшись. Айрен решила, что рассердила его, и разрыдалась.

– Тише, – успокоил он ее, – посмотри на меня, – он поцеловал ее нежно в заплаканные глаза. – Конечно, да. Я хочу, чтобы ты была моей женой.

Теперь можно было обнимать, ласкать это страстное искреннее создание, потому что она принадлежала ему. Они долго лежали, обнявшись, глядя на небо в круглый просвет крыши шатра, счастливые оттого, что обрели друг друга.

Айрен отказалась ехать с Мирэей, она попросила позволения остаться в Нарисее. Мирэя испытала странное чувство: показалось, что часть ее самой отрывается от нее. Айрен всегда была рядом и заботилась о ней. Но она не упрекнула подругу.

– Будь ей хорошим мужем, – сказала она Дориану.

Тепло простившись с нарисейцами, королевская чета отправилась в обратный путь. Чернолун был рад, что госпожа снова с ним, но чувствовал, что Мирэя грустит и, поддавшись ее настроению, размеренно и спокойно скакал вперед. Юниэр и Мирэя почти не разговаривали.

Свадьба

Занималась заря. Обитатели королевского замка еще спали, а Юниэр уже сидел в саду, в беседке. Вокруг было тихо – в последние дни ему так не хватало тишины. Он пришел сюда, чтобы подумать, представить себе, что ждет его дальше. Днем он не смог бы сосредоточиться в круговороте суеты, в котором жил сейчас. Юниэру было грустно: он не хотел быть королем и не представлял себя на троне. Он не завидовал тем, кого судьба вознесла высоко, и хотел жить сам по себе, никому не подчиняясь, никем не управляя. До сих пор он считал себя одним из счастливейших людей в мире: радости встречал с упоением, несчастья быстро забывал, а ненужной суеты избегал. Конечно, самым прекрасным событием в его жизни была встреча с Мирэей. С того самого момента, как он впервые обнял ее Сиреновой ночью, Юниэр понял, что не одинок больше и, что бы ни случилось, он всегда будет стремиться к ней.

Он мечтал о том, чтобы, доверившись ему, она пошла бы за ним в далекие страны, чтобы свободно, как простые путники, они вместе переходили из одного города в другой, останавливались там, где понравится, знакомились бы с людьми, гостили у друзей. Конечно, у них был бы какой-нибудь дом, зимнее пристанище от холода и вьюг. Сидеть на одном месте скучно, а дороги дарят встречи и делают мир ярче.

Юниэру хотелось, чтобы Мирэя отреклась от власти. Это же смешно, его Мирэ – королева! Но, наблюдая за ней в эти дни, Юниэр чувствовал, что его желание не сбудется. Мирэя стала вдруг серьезной, ответственной и на диво деятельной: выступала перед людьми, совещалась с министрами. Даже Зарад не мог ей перечить, он как-то стушевался, потускнел и потакал ей во всем. Юниэр думал, что Зарад будет препятствовать его женитьбе на Мирэе, ведь ни для кого не было секретом, что только себя он представлял на сундарском троне. Но и этого не случилось.

Кто он, собственно, такой? Никто не знал об этом. Он безродный. Зарад прав, ему некого назвать отцом. Как его запишут в книгу правителей Сундара? Король без родословной? Юниэр не любил думать, а тем более говорить о своем происхождении.

Его нашли на берегу Земуны во владеньях Непреклонного Эреба. Лицом младенец был светел и чист, завернут в дорогую ткань. Не было заметно, что ему пришлось долго путешествовать. Эреб решил воспитать его вместе со своими сыновьями. Но он никогда не называл его сыном, и Юниэр с малолетства знал, что взят в дом из милости. Эреб был сундарцем, славным воином, без огрехов в происхождении, и жена его, Любилия, тоже отличалась благородством и добрым характером. У них было три собственных сына и четыре дочери, так что Юниэр вырос в многолюдной семье. Его никто не притеснял и ни в чем не отказывал, но мальчик был чужим. Когда ему минуло шестнадцать лет, Эреб отдал его в армию Зарада. И началась кочевая жизнь...

Зарад посоветовал ему, до того как окончится траур, навестить Непреклонного Эреба, чтобы тот усыновил его, дал имя.

Вчера они обсудили это предложение с Мирэей. Юниэр ожидал, что она возмутится, заплачет, будет убеждать его, что она ни дня не может без него прожить. Но она лишь сказала: "Да, пожалуй, так будет лучше, по закону. Только постарайся вернуться поскорее. Если Эреб будет упрямым, обещаю, что я щедро награжу его".

Все это не нравилось Юниэру.

"Хорошо, я уеду, – думал он. – Тогда она, может, заметит, что все эти дни ей кто-то помогал, всегда был к ее услугам, утешал, веселил, любил, наконец. Как она может быть такой эгоисткой?"

Юниэр улыбнулся своим мыслям. Но улыбка вышла натянутой. Он все-таки не хотел быть королем.

Вечером того же дня Юниэр и Мирэя отправились в гости к рыбакам. С Гредом и Акулой – двумя братьями, Юниэр познакомил Мирэю несколько дней назад. Он полагал, что их молодой задор, радостное настроение и лишенная праздных уловов жизнь тронут ее сердце. На самом деле, это он отдыхал здесь душой. Роскошь дворцовых залов, люди, скованные этикетом, неестественные вопросы, напыщенные разговоры, – от всего этого его мучило. Каким контрастом была хижина на берегу моря, свежий ветер и копченая селедка!

Греду было восемнадцать, а Акуле пятнадцать лет. Акулой мальчишку назвали скорее за воображение, чем за личные качества. Он был хвастлив и часто рассказывал небывалые истории о своих подвигах. Но сейчас братьев не было поблизости, и Юниэр решил поговорить с Мирэей о том, что его мучило.

– Ты помнишь, – начал он, – как мы бежали с тобой Сиреновой ночью от угрожавших нам почестей?

– Да, – улынулась она, – я так испугалась!

– Ты разделяла общий восторг и кричала ура вместе со всеми! – возразил Юниэр.

– Я не поняла, что нас выбрали, – оправдывалась Мирэя, – но когда опомнилась, то бежала быстрее тебя и даже прыгнула в холодную воду!

– Как хорошо было тогда, когда они нас не догнали.

– Да, но почему ты вспомнил об этом сейчас?

Юниэр смотрел на нее проникновенно.

– Мы были свободны и счастливы только друг с другом. Я хочу, чтобы мы всегда были свободны. Зачем тебе короноваться? Поедем со мной в Крор! Пусть они разбираются здесь сами.

– Ты с ума сошел! – воскликнула Мирэя. – Как я брошу свой народ? Теперь, когда люди начинают прислушиваться к голосу разума, ты предлагаешь мне сбежать?

– Почему ты думаешь, что голос разума – это твой голос? – упрямылся Юниэр. – Народ сегодня слушает тебя, а завтра будет слушать кого-нибудь другого. Результат всегда один: заверения в мирных намерениях и внутренняя жажда с кем-нибудь поквитаться. Ты еще узнаешь, что такое предательство. Вообразила из себя спасительницу мира! Мир испорчен в ядре, в начале начал, хоть бейся головой об камень, ничего не добьешься!

– Не кричи на меня, – Мирэя была изумлена. – Никогда бы не подумала, что у тебя такие мысли. Если все будут такого мнения о людях, то...

– То что? – Юниэр глядел насмешливо.

– Зачем, вообще, было родиться на свет?

– Чтобы наслаждаться жизнью, влюбляться, смеяться, мало ли зачем?

– Но если нет веры в лучшее, нет мечты, разве не будет тоскливо?

– Тоскливо как раз тогда, когда не замечаешь, что счастье рядом, здесь, а не в туманном будущем. Поверь, это так просто, быть счастливыми, особенно нам с тобой.

– Да, Юни, но мы должны думать о других. Как быть счастливым, если другие страдают? У нас есть сила, власть, нам доверяют люди; мы все можем исправить, сделать то, что не удавалось веками. Мы подружим людей и фейров, сокрушим Сарказа, и тогда все в Сундаре и в Кроре будут счастливы и спокойны.

– Гм, прекрасно, – покачал головой Юниэр, – великолепные планы. Не будем далеко ходить за примером. Ты счастлива со мной?

– Да, Юни.

– И что? Ты спокойна? Нет. Ты кипишь от избытка идей и грандиозных планов.

– Это другое. На свой счет я спокойна, но хочу, чтобы и другим было хорошо.

– А люди не могут быть абсолютно счастливы. Всегда грызет человека какая-нибудь забота. Даже наша юная любовь уже требует жертв. Если я хочу быть с тобой, то должен пожерт-

вовать своей свободой и напялить корону. Если ты хочешь быть безраздельно моей, то должна пожертвовать своей мечтой о счастливом человечестве. И выхода нет.

Мирэя обняла своего страдающего друга.

– Ну что ты, Юни, милый, все будет хорошо. Мы с тобой умные, решим все государственные вопросы, расщелкаем, как орехи. Ты только доверяй мне, договорились? – Она прижалась к нему, и Юниэр ответил на ее объятие, удивляясь, откуда появилось столько уверенности у семнадцатилетней девчонки.

Через неделю корабль с Юниэром на борту ушел в Крор.

Зарад и не думал мириться с текущим положением дел в Сундаре. Талантливый военачальник, приумноживший королевскую казну в несколько раз, он подчинил Сундару новые земли, выиграл много сражений и заработал славу победителя.

"Мир должен принадлежать людям!" – говорил Ханитар. От него Зарад унаследовал ненависть к фейрам. При сотворении мира произошла ошибка. Нар пожадничал, наделив людей короткими жизнями. Или Каратар не поделился с ним важным секретом. Когда люди перестанут стареть и станут бессмертными, как фейры, будет восстановлена справедливость. Так думал Зарад, так думали его отец и дед. Бессмертие – подарок, который он вырвет для людей у шанкар. Когда Киннар умер, Зарад точно знал – его время пришло. Но на пути стояла своевольная кузина.

Он затаился на время и следил за каждым шагом Мирэи, улыбаясь ей и считая ее ошибки. Она не нашла убийцу короля, и это была ее первая ошибка. Второй ошибкой Зарад считал ее явную благосклонность к фейрам. Она старалась обворожить нарисейцев, вместо того, чтобы заручиться поддержкой Сундара и, прежде всего, королевской гвардии. Зарад, не теряя времени, обзавелся сильными союзниками в лице Ларта и его семьи. Труднее всего было бросить тень на "священный союз". Зарад знал, что Мирэя обручилась с Юниэром Сиреновой ночью, но избранные короли сбежали от почестей... Значит, решил Зарад, их брак недействителен. Ему оставалось убедить в этом других.

– Скажи мне, Эльсия, он убьет меня? – обратилась Мирэя к дочери Ларта.

Три дня Зарад держал ее в заточении, в комнате с маленьким зарешеченным окном высоко под потолком. Эльсия была ее единственной связью с внешним миром. Она охотно отвечала на все вопросы, но совсем не то, что хотелось бы услышать Мирэе. Эльсия была невестой Зарада, преданной ему душой и сердцем, и потому Мирэя боялась, что она отравит ее или пронзит кинжалом.

– Не думаю. Ты единственная законная наследница Сундара и должна сидеть на троне.

– Вряд ли Зарад хочет, чтобы я сидела на троне, – усмехнулась Мирэя. – А что мой народ? – спросила она.

– Твоему народу объявлено, что у тебя нервное расстройство, – невозмутимо отвечала Эльсия.

– Юниэр вызволит меня отсюда!

– Любой, кто увидит Юниэра в Сундаре, вырвет ему сердце, – торжествующе заявила Эльсия.

– Неправда!

– Он – фейрский выродок.

– Что?

– Юниэр – фейр.

– Ты что, бредишь? Что ты такое говоришь?

– Он фейр и убийца твоего отца.

Эльсия ушла, оставив Мирэю в тяжких раздумьях.

Так вот до чего додумался Зарад! А она-то уверовала, что все ее любят и слушают. Нельзя было отпускать от себя Юни. Что будет с ним теперь? И с нею? Одна мысль давно уже мучила ее. Она старалась ее подавить, но напрасно. Это Зарад, сжигаемый ненавистью и властолюбием, убил ее отца. Боль и стыд душили ее.

Сундарцы не могли прийти в себя от взбудораживших остров событий: смерть короля, пылкие речи юной принцессы, ее помолвка с солдатом. А теперь их кумир, славный Зарад, все представил в другом свете. Он несколько раз выступил перед армией и подданными королевства. Его версия казалась невероятной, но многие поверили.

Зарад нашел человека, который рассказал о поселении фейров в верховьях Земуны, и о майяви Амре, сын которой пропал в младенчестве. Ловко соединив эти сведения и историю Эреба, который взял на воспитание младенца, невесть откуда появившегося, Зарад открыл всем глаза на происхождение Юниэра.

Однополчане Юниэра были поражены; многие вспомнили, что и раньше замечали его странности и непохожесть на других людей. Теперь становилось понятно, что именно Юниэр был одним из основных участников государственного переворота, который стремились осуществить фейры.

Юниэр и Мирэя встретились Сиреновой ночью. Почему принцесса вопреки воле отца отправилась на праздник? Ее подговорила подруга Айрен, которая еще раньше перешла на сторону фейров, околдованная их магией. Именно она подтолкнула Мирэю к выбору майского жениха. Используя фейрскую магию, Юниэр подчинил себе принцессу.

– Как и все вы, – убеждал Зарад, – я доверял Юниэру, и даже предположить не мог, что он так опасен. Я ждал подвоха от фейров, знал, что они послали в город шпиона. И так заблуждался, что приказал именно Юниэру встретить шпиона и убить. Вот уж он посмеялся надо мной всласть. Предатель лучше всех знал, когда и откуда придет его сообщник. Нарушив мой приказ, Юниэр не пошел к порогам Серебряной Струи. Он знал, что фейр уже приближается к городу, а его отсутствие на посту никто не заметит. Той же ночью злоумышленники встретились и обсудили планы.

Зарад также обговорил детали с советом, выбравшим Сиреновых Королей. В конце концов, те признали, что поддались магии и сделали ошибочный выбор. Отказ короноваться и бегство избранной пары издревле считалось дурной приметой и предвещало неудачный год.

– Юниэр бежал, потому что боялся ссылки за нарушение приказа, ведь это помешало бы ему привести план в действие, – говорил Зарад. – Но то, что вы услышите дальше, взбунтует вашу кровь. На следующий день у Киннара мы все: я, Арфест, Юниэр и Лафер, – встретились с Дорианом, тем самым фейрским шпионом с лучезарной улыбкой на лице и клинком за пазухой. Наш добрый король, всю жизнь мечтавший о мире, возносил фейров до небес своими похвалами, а Юниэр и Дориан радостно ему поддакивали. Принцесса уже была в сетях у Юниэра, но Киннар этого не заметил. Я был резок на этом собрании и прямо высказал свое недоверие и фейрам, и нарисейцам. Киннар не понимал, что фейрам не нужен союз с людьми. Подумайте сами, зачем мы фейрам? Они предпочитают нас Сарказу и злогам в качестве союзников и ищут нашей помощи, когда их жизнь в опасности. Фейры хотят полновластия, чтобы восстановить свое прошлое могущество, свои великие государства.

На том же малом совете было решено, что Дориан приведет нарисейцев на переговоры о мире. Дориан ушел до того, как король был убит. Я ошибался тогда, сказав вам, что он убийца, потому что был ослеплен горем. Дориана видели уходящим стражники дворца, его проводила Айрен. После этого она вернулась в кабинет короля, чтобы выслушать его последние распоряжения. Была уже глубокая ночь, и король отпустил ее. Все это вам говорила сама Айрен. Не сказала только, что потом она встретила Юниэра. Да, убил короля не Дориан, а Юниэр. И после этого убийца пошел к принцессе.

– Юниэр не мог этого сделать, – возразили Зараду солдаты.

Тогда он отдал им завернутый в платок и перепачканный грязью и кровью кинжал.

– Это нашли в Розовом саду, случайно. Дворовая собака рычала, пытаясь его откопать, – объяснил Зарад.

Солдаты узнали походный кинжал Юниэра. Они не хотели в это верить, многие любили его.

– Прежде чем огорчить вас, я сообщил итоги своих исследований Мирэе, – продолжал Зарад. – Я знал, что ей будет больно, но посчитал это своим долгом. Королева пережила все хуже, чем я ожидал. Она больна, плачет и практически невменяема. Надеюсь, что наши лекари ей помогут. Мирэя сказала однажды, что снимает с меня ответственность за месть убийцам. Скажите мне, считаете ли вы это разумным сейчас?

Через несколько дней почти все горожане были на стороне Зарада. Министры, посоветовавшись, решили, что куда разумнее сделать королем опытного и полного энергии военачальника, чем девчонку, которой так не повезло с самого начала. Король должен быть удачливым. Конечно, по закону Мирэя должна быть королевой, но вряд ли она сможет справиться с такой ответственностью.

Зарад обещал быть решительным в борьбе против фейров, Сарказа и прочих, в борьбе за благополучие людей.

– У нас будет все: земли, золото и бессмертие! – не скупился он на обещания.

Народ верил, но многие приближенные и простые люди спрашивали о здоровье королевы и хотели ее увидеть.

Эльсия подстрекала его.

– Пока Мирэя жива, у тебя не будет полной власти; надо либо уничтожить её, либо лишить разума, чтобы другим было заметно, что она безумна. Иначе она перегрызет тебе глотку. Ты должен что-то предпринять.

“Верно, я должен что-то сделать”, – думал Зарад. Придется избавиться от нее. Идея держать сумасшедшую женщину в доме не нравилась ему. Лучше убить, меньше будет мучиться. А народу по случаю ее похорон придется раздать побольше золотых монет и подарков, чтобы утешился.

Зарад отправил в Крор солдат с приказом арестовать государственного преступника Юниэра и вернуть его в Сундар для совершения правосудия.

Улыбаясь блаженно, Зарад прогуливался по замку. Скоро все это будет принадлежать только ему. В тронном зале он повесил зеркало Нара плотной тканью. Зарад не очень-то верил, что Нар следит за владыками Сундара и наказывает тех, кто нарушает его заветы. Если бы Нар интересовался жизнью Сундара, ему не нужно было бы волшебное зеркало, чтобы знать, что тут творится. Может, он и рассказывал Хему, что все люди видны ему как на ладони. Но это было давно. С тех пор справедливый Нар никому не являлся. Он умчался бороздить океаны Вселенной и навеки забыл о людях Сундара. Возможно, сделал себе новых. Учел ошибки. Надо полагать, его новые подопечные получились не хуже фейров! Даже покрытое тканью зеркало раздражало. Надо убрать его в чулан, как было при Ханимаре, чтобы не мозолило глаза. Подумаешь реликвия!

"Перестрою дворец по-своему, – думал Зарад. – Здесь неуютно, слишком тихо и мало блеска".

Все эти дни Зарад ночевал дома: ему казалось, что дух Киннара витает во дворце. Как обычно, он вернулся поздно и прошел в свой любимый каминный зал. Летом камин не топили, но слуги, знавшие привычки хозяина, всегда украшали его и освещали множеством свечей. Они принесли горячий ужин и любимое вино. Довольный Зарад плеснул вина в золотой кубок.

– Привет, я ждал тебя, – услышал он хриплый голос за спиной.

На диване сидел человек, завернутый в черный плащ. Зарад терпеть не мог старикашку Терлока и побаивался его.

– Что случилось? – поморщился Зарад, не отвечая на приветствие.

– А зачем я к тебе прихожу? – осклабился старик.

– Ты получил свое вознаграждение.

– Это очень плохо – быть жадным королем, – в голосе Терлока прозвучала угроза.

"Я должен был это предвидеть", – подумал Зарад.

По их договору Терлок убил Киннара, и теперь, по-видимому, решил, что может шантажировать его всю жизнь. Нужно быть осторожным со стариком, особенно сейчас. Прикончить бы вымогателя, но Терлок – колдун, с ним шутки плохи. Может быть, он читает его мысли. Лучше использовать старикашку себе во благо.

– Хорошо, получишь еще, – кивнул он уныло.

Когда Терлок ушел, Зарад подумал, что в целях укрепления власти он должен жениться на Мирэе. Тогда никто не посмеет оспаривать его права на трон. Он, правда, уже обещал Ларту жениться на Эльсии. Но Ларт – мужчина толковый, поймет, что союз с Эльсией может подождать. Он вовсе не отказывается жениться на ней. Но это произойдет чуть позже.

Кузина вряд ли захочет стать его женой, но деваться ей некуда.

В последующие дни Зарад сражался с взбешенными женщинами. Сначала Эльсия чуть не задушила его, когда он сообщил ей об изменении в их планах. Больших трудов стоило втолковать ей, как это необходимо ему, чтобы стать законным королем.

– Потом, когда люди ко мне привыкнут, и я обрету могущество, которым никогда не обладал ни один король Сундара, мы решим что делать с Мирэей. Но сейчас она мне нужна.

Мирэя встретила его воплями: "Убийца! Убийца!" – Пришлось заткнуть ей рот и связать руки за спиной. Он прямо сказал, что либо она выйдет за него замуж, либо умрет. По ее знакам и хрипам было понятно, что она предпочтет смерть. Зарад каждый день приходил к узнице и втолковывал ей свою правду. Это было удобно – она не могла возразить. Он твердил о том, как любил и уважал Киннара, и что держит ее здесь лишь затем, чтобы она не завела страну в бездну, так как управлять людьми она не в состоянии. И еще он поносил фейров и говорил, что Юниэр ее околдовал. Ничего не помогало. Синие глаза Мирэи сужались в лезвия ненависти, она бы перерезала ему глотку, если бы могла сделать это взглядом.

– Завтра ты скажешь свое последнее слово, – заявил Зарад, – и я очень надеюсь, что это будет «да». Иначе я тебя уничтожу.

Она расшвыряла мебель в своей клетушке, потом поутихла, прижалась лбом к холодной стене и задумалась: "Пусть я умру, но никогда не получит этот негодяй согласия на брак! Как он объяснит моему народу, что со мной случилось? Почему никто до сих пор не пришел мне на помощь? Неужели у меня нет друзей? Никому не интересно, где я, никто не хочет знать, как я себя чувствую! Умру, и все забудут. Мертвая я никому не нужна. И у меня нет выбора. Он меня уничтожит!"

Ее приводило в ярость то, что она зависит от расположения убийцы, вознамерившегося на ней жениться. "Интересно, насколько для него это важно? Почему ему необходимо со мной считаться? Я должна выжить, – подумала она вдруг. – Если умру, то он победит. Конечно, это омерзительно, невозможно, позорно выходить за него замуж, и я никогда не смогу объяснить своего поступка Юниэру, но иначе нельзя, нельзя даже вырваться из этой комнаты и рассказать людям о его происках, предупредить Юниэра об опасности... И просто хочется жить".

На следующий день Мирэя сказала Зараду «да». Он не выразил бурного восторга, но подумал, что хорошо запугал ее, и камень свалился с души. В тот же день пришли швеи снимать с нее мерки для свадебного платья.

Пум Рыжик проснулся, как обычно, рано. Вчера со смотровой башни передали, что видели мачты, значит, будут гости. Таверна "Большая Пирушка" была очень популярна в Петлице. И когда заморские корабли заходили в гавань, приходилось побегать.

Обычно грибуны предпочитают общество себе подобных; людей они считают слишком шумными, а фейров не от мира сего. Поэтому и живут в своих деревнях, подальше, поглубже, в лесах, вдаль от дорог. Но Пум Рыжик всегда хотел стать богатым, а у себя в деревне Веселка он был, скажем так, среднего достатка, поэтому и перебрался в большой портовый город Петлицу. Друзья и знакомые, конечно, фыркали и предсказывали, что он потеряет и то, что имеет. Пум Рыжик не слушал ничьих советов, продал все имущество и отправился к морю. С ним согласился идти только племянник Бошка.

Когда два отважных грибуна впервые шагнули на улицы Петлицы, они едва не оглохли. Хохочущие дуборосы топтали дощатые пристани, швартующиеся корабли скрипели обшивкой, в урочное время били в колокол, возвещая то начинающийся рабочий день, то прибытие судна, то перерыв на обед. Трудно было привыкнуть к этому, в их родной деревне колокол звонил лишь в случае пожара или войны. В городе Пум Рыжик и Бошка чувствовали себя карликами. Чтобы посмотреть в лицо дуборосам, им приходилось высоко задирать головы. Но они не отступили.

Пум смело отправился к градоправителю и объявил о своем желании открыть в Петлице таверну. При виде грибуна градоправитель едва не поперхнулся, но внимательно выслушал предложение забавного пришельца. Пум красочно расписал все достоинства своей будущей таверны и высыпал перед градоправителем кучку золотых монет, очень довольный собой. Сумма была недостаточной для осуществления его плана, но градоправитель, как человек с юмором, заинтересовался маленьким грибуном и помог ему в смелых начинаниях. И только потом вежливо спросил у Пума, откуда берутся такие деловые человечки.

Таверна "Большая Пирушка" выросла в центре бурной портовой жизни Петлицы и приносила хорошую прибыль. Любопытные приходили поглазеть на необычных хозяев в причудливых шляпах, а грибуны лучше узнавали людей. Понемногу Пум Рыжик и Бошка привыкли к новой среде и кипучей деятельности в гавани. Их прежняя жизнь в Веселке казалась теперь скучноватой и лишенной колорита. Пум Рыжик разбогател, и тогда в городе появились его друзья и родственники. Они пока не решались открыть свое дело, но в гости к нему заходили частенько и подолгу сидели в таверне. Пум уже немного жалел, что сделал слишком большую скидку на обеды для "своих".

– Пу-ум, Пу-ум, – донесся вдруг громкий стон.

Пум в это время протирал стаканы. Вообще, это была работа Бошки, но ранним утром клиентов не было, и нужно было чем-то заниматься – грибуны не любят бездельничать.

– Пу-ум, что это было? – дрожащим голосом спросил, спускавшийся с лестницы, сутулый грибун.

К внешности его надо было привыкнуть: длинный унылый нос, рот, словно сползший вправо, брови шалашиком и тоскующие глаза, опущенные длинными ресницами. Если он начал говорить, то хотелось поскорее сбежать, чтобы не слышать бесконечные причитания. Даже шляпа у него всегда была помята и наводила на грустные размышления. Это был Буги Нытик, брат жены кузена отца Пума. Он приехал только вчера, но Пуму казалось, что Буги торчит здесь уже год.

– Что это было? – повторил Буги раздраженно.

– Что именно? – поинтересовался Пум.

– Выть в соседней со мной комнате. Ты разве не слышал?

– Нет, – покачал головой Пум, и тут же на него обрушилось недовольство родственника.

– Очень пыльно, я тут задыхаюсь. Кровать скрипит, подушка неудобная, мне кажется, что я спал на бревне, шея онемела. Хорошо хоть прихватил из дома змеиную мазь. Потом, что это

за картина прямо над кроватью? Она, наверное, тонну весит; несколько раз просыпался, думал, что свалится и приплюснет, – буду как черепаха. И с утра пораньше эта вешалка, безголосый осел, завелся: "Едва дождался я рассвета, чтобы бежать к тебе, Иветта!"

– А, это Эрвин, – невольно засмеялся Пум, – он недавно помолвлен, сердце поет.

– Уж лучше б оно молчало, – пробурчал Буги. – Нашел чему радоваться: уж эта Иветта ему косточки пересчитает, всю кровь профильтрует.

– Зачем ты так? – удивился Пум. – Я знаю Иветту, премилое создание, невинное дитя.

– Знаем, – махнул рукой Буги, – все они поначалу премилые.

Грибуны в большинстве своем народ семейный, дружный и многодетный. Наперекор традиции Буги шел по жизни убежденным холостяком. Уже много лет родственники безуспешно пытались его женить, так как были уверены, что семейная жизнь смягчит его сердце, но он яростно сопротивлялся.

– Дай-ка мне стакан горячего молока с медом, – попросил Буги – Смесь отвратительная, но у меня болит горло, подхватил-таки какую-то заразу.

“Хоть бы, правда, не заболел, – думал Пум, – тогда таверна будет сотрясаться от его воплей и жалоб, и все клиенты разбегутся”.

Он подогрел родственнику молока и не пожалел две большие ложки вкусно пахнущего меда. Буги сел за столик у окна и попробовал напиток, держась за стакан обеими руками.

– Духи там раньше были, что ли? – бормотал он. – Словно жасмин жуешь.

Пум услышал стук копыт во дворе и радостные приветствия Бошки. Дверь распахнулась, и в таверну вбежал Юниэр.

– Здорово, дружище! – заорал он и, подхватив грибуна под руки, повертел им в воздухе.

Пум сиял от восторга. Из всех дуборосов этот был самым любимым. Юниэр заметил Буги, медитирующего над стаканом молока.

– Привет, друг! – сказал он, хотя видел его впервые. – Как жизнь?

– Хуже не бывает, – с наслаждением выдал Буги свой любимый ответ на этот дурацкий вопрос, но руку, протянутую Юниэром, пожал: ему польстило, что дуборос его заметил.

Юниэр заходил в таверну "Большая Пирушка" перед поездкой к Эребу. Они проговорили с Пумом всю ночь. Грибун радовался за друга и убеждал его согласиться стать королем. Он, Пум, гордился бы таким правителем, как Юниэр, и с радостью ему подчинялся. Теперь Пуму не терпелось узнать о результатах переговоров. Но сначала он накормил и напоил друга и только потом стал расспрашивать.

– Ну, что Эреб? – Пум сидел, подперев щеки коричневыми кулачками, напротив друга. Юниэр рассмеялся, потому что пухлый грибун весь искрился от любопытства.

– Эреб отказался! Представляешь? – Юниэр внимательно следил за тем, как ротик Пума округлился в букву "о".

– Ты меня разыгрываешь? – обиделся Пум.

– Нет. Эреб, правда, отказался. Железный старик. Он мне сказал: "Я тебя уважаю. Ты стоящий юноша, но не мой сын. Кто знает, может, твои родители когда-нибудь найдутся”.

– Что ему, жалко что ли? – всплеснул руками Пум. – Ты замечательный парень, любой бы гордился таким сыном. Не понимаю. Я бы тебя с удовольствием усыновил.

– Спасибо, дружище! – Юниэр улыбался. – Теперь я буду звать тебя папа Пум.

– Шутишь, а я серьезно говорю, – покачал головой Пум, – только королева вряд ли захочет выходить замуж за грибуна.

– А куда ей деваться? Она мне поклялась. Поздно менять решения. Грибун Юниэр, – с удовольствием сказал он, – как звучит, а?

– По-дурацки, конечно, – вставил свое слово Буги, – глупее не придумаешь.

Юниэр прыснул.

– Первый раз вижу такого э... сердитого грибуна.

– Это Буги, – вздохнул Пум, – с ним ничего нельзя поделать. Скрипит целыми днями.
– Если не нравится, я могу и уйти, – нахмурился Буги.
– Нет, нет, ни в коем случае, – запротестовал Юниэр. – Мне кажется, ты очень хороший парень, Буги.

– Да уж, бывают и похуже, – нехотя согласился польщенный Буги.
– Так вот, – продолжал Юниэр свою историю, – теперь не знаю, что говорить моей Мирэ.
– Кто такая Мирэ? – поморщился Буги.
– О! – воскликнул Юниэр. – Это моя невеста.
– А точнее? – прищурился Буги.
– Мирэя, дочь Киннара, – королева Сундара.
Буги задумался.

– Так ты хочешь стать королем с ее помощью? – предположил он, наконец.
– Нет! – возмутился Юниэр. – Просто, я ее люблю.
– Ты такой прозаичный, Буги, – возмутился Пум. – Юниэр рассказывал мне, как ее встретил. На празднике, Сиреновой ночью: костры, фейерверки, и она – чудесная фея в венке из красных роз.

– Не продолжай, мне уже дурно, – запротестовал Буги. – Ты бы заранее предупредил, что у тебя не таверна, а притон для помешавшихся влюбленных, я бы в другом месте поселился.

– Ты не прав, Буги, – улыбнулся Юниэр, – Мирэя действительно стоящая девушка и любит меня.

– Может быть, может быть, – пожал плечами Буги, – но мне даже не жалко таких простаков, как ты, вы сами нарываетесь.

Зазвонили колокола. Буги заткнул уши. Сундарские корабли подошли к причалу. Юниэр посмотрел в окно.

– Интересно, какие новости оттуда?
– Уже приехали! – воскликнул Пум. – Совсем я с вами заговорился. Они же первым делом попросят поросенка.

Пум побежал в кухню. Оказалось, что Бошка уже готовит жаркое.

– Что ж я, порядков не знаю? – усмехнулся он.

В таверну ввалилась ватага веселых матросов.

– Эй, Пум, привет, старина! Чем угощаешь сегодня? Только не рыбой! Скорее неси пива! Да чтоб холодное было. Когда ты уже женишься? В твоей таверне не хватает мадам Рыжик!

– Привет, ребята, – встал им навстречу Юниэр, – есть ли какие-нибудь новости из Сундара?

– А как же! Что ни день – то новость. Во-первых, королева Мирэя вышла замуж, – радостно сообщил один из прибывших.

– Да! – подхватили остальные. – Есть теперь у Сундара и король, и королева.

– Что? – Юниэр побледнел. – Этого не может быть.

– Еще как может! – засмеялись матросы. – Мы гуляли на свадьбе три дня. Шикарная была свадьба: всем рыбакам дали новые лодки, сундарские девчонки получили по сундуку приданого, – да что говорить, никто не остался без подарка. А королева-то – красотка, и как была разряжена!

– Кто стал ее мужем? – тихо спросил Юниэр.

– Чего ты так разволновался? – удивился матрос. – Зарад, конечно. Он и смелый, и хитрый, и богатства ему в руки идут, одним словом, король.

– Но, если мне не изменяет память, – голос Юниэра дрожал, – она должна была выйти замуж за кого-то другого.

– Тот оказался фейрским шпионом, – объяснили матросы. – Фейры хотели с его помощью прибрать Сундар к рукам – размечтались, как же. Ничего, теперь им покажут, кто главный. Под Зарадом они и пикнуть не посмеют.

Юниэр бледный и потерянный стоял посреди залы. Как такое могло произойти?

Буги печально наблюдал за ним. "Смотри-ка, – думал он, – и впрямь расстроился парень. Еще в обморок хлопнется".

В таверну вошел еще один человек, высокий, осанистый, с озабоченным выражением лица. Внимательно осмотрев присутствующих, он подошел к Юниэру и мягко опустил руку ему на плечо. Тот обернулся, но не сразу узнал его.

– Ориз? – очнулся он, наконец.

– Тсс, нам нужно поговорить с глазу на глаз.

– Но где? – Юниэр огляделся.

Буги, внимательно наблюдавший за ними, достал из внутреннего кармана ключ от своей комнаты.

– Возьми, я тебе доверяю, – прошептал он, – но смотрите, ничего не ломайте.

– Юниэр, – быстро заговорил Ориз, старший сын Эреба, как только они остались вдвоем, – тебе угрожает опасность. На следующий день, после того как ты нас оставил, к отцу приходили люди Зарада, чтобы арестовать тебя. Нельзя им попадаться. Тебя обвиняют в убийстве короля, заговоре с фейрами и обольщении принцессы. Говорят, что ты фейр. Никто из нас: ни отец, ни братья, ни сестры, – не поверили этой чуши. Все это – сундарские интриги. Эти люди готовы достать тебя из-под земли. Будь осторожен.

– Пропади все пропадом! – выругался Юниэр. – Моя невеста вышла замуж за этого негодяя сразу после моего отъезда.

– Умерь свой пыл, – зашипел на него Ориз, – может быть, Мирэя была вынуждена так поступить, ей пригрозили. Ей в тысячу раз хуже, чем тебе: ты еще на свободе, а она в ловушке.

– Я должен ехать в Сундар и вырвать ее из лап Зарада. Каким я был идиотом! Нельзя было оставлять ее одну!

Пока они беседовали, в таверну вошли солдаты. Они направились напрямиком к Пуму.

– Эй, пузан! Мы ищем Юниэра Безродного, говори, был он здесь?

Пум сразу заподозрил что-то неладное – ему не понравились тон и обращение солдат.

– Был, – ответил Пум, – но уже уехал.

– Уехал? Когда?

– Да, вот, только что, может, вы еще сможете его догнать.

– Какая у него лошадь?

– Серая, в яблоко, – ответил Бошка, не задумываясь, хотя отлично помнил, что лошадь у Юниэра гнедая.

– Проверьте на конюшне, – отдал команду начальник.

– Я думаю, что таверну тоже надо обыскать, – предложил один из солдат. – Пум Рыжик и Юниэр друзья, он мог его спрятать.

– Смерть всем, кто покрывает убийцу Киннара, фейрского выроodka и изменника, – прорычал начальник. – Клянись, что его нет в твоей таверне?

– Клянусь, – не дрогнул Пум.

– А надо бы все-таки проверить, – настаивал дотошный солдат.

– Хорошо. Эй, слушайте все! – заорал начальник. – Был ли здесь Юниэр, вы его видели?

– Мы его не знаем, – заворчали матросы, недовольные тем, что им мешают пить пиво и наслаждаться нежным мясом поросенка.

– Он высокий, темноволосый, черноглазый...

– Пойдите! – вмешался Буги.

Пум просверлил его взглядом. "Если Буги продаст Юниэра, убью и не посмотрю, что родственник", – подумал он.

– Да, коротышка, – начальник и солдаты кинулись к нему, – ты что-нибудь знаешь?

– Это не тот ли бледноватый, с прямым носом и без усов? – спросил заговорщицким тоном Буги.

– Где он?

– У него еще кинжал на поясе, а перчаток и перстней он не носит?

– Может быть, это не важно! – отмахнулся начальник. – Говори, где ты его видел?

– Такого нигде не видел, – невозмутимо заявил Буги.

Некоторое время начальник непонимающе глядел на грибуна. Потом побагровел, выка- тил белки и зарычал:

– Так ты шутики шутишь, крысенок! Я тебе гланды вырву, мелкая пакость!

Начальник схватил Буги за плечи и затряс в воздухе.

– А-а-а, – завопил Буги отчаянно, – опусти меня на землю! Что я сторож твоему Юниэру? Тебе поручили, ты и лови!

Все, кто был в таверне, спрятались под столы от этих воплей и тщетно пытались заткнуть себе уши. Ошарашенный Пум подумал, что наверху, наверняка, услышали Буги.

Взбешенный начальник все еще вертел грибуном в воздухе, а тот орал, пиная его ногами.

– На землю! Верни меня на землю!

– Шею сверну крикливой выдре! – начальник сжал кулак на тонкой шее несчастного Буги.

Пум Рыжик со всех ног кинулся к дуборосу.

– Отпусти его! Это мой родственник. Он душевнобольной. Нельзя больного мучить! –

Пум тянул хрипящего Буги, пытаясь отбить его у жестокого человека.

– Что здесь происходит? – раздался вдруг ровный приятный голос.

С лестницы спускался Ориз.

– Здравствуйте, господин, – смутился начальник, наконец-то разжав кулак.

Буги рухнул на пол, Пум и Бошка подхватили его и унесли в подсобное помещение.

– Мы... мы, – заикался начальник, – за Юниэром пришли, слышали, он тут часто появ- лялся.

– Я же просил вас не вмешиваться! – прервал его Ориз. – Вы только спугнете его вашими неуклюжими поисками. Мой отец и братья справятся с этим сами. Нам гораздо легче найти Юниэра, потому что он нам доверяет.

Слушая Ориза, начальник и его команда стушевались. Эреб и его сыновья обладали ред- кой способностью поставить на место любого собеседника. Когда Ориз говорил, сопровождая свою речь пронизательным, оценивающим взглядом, никто не смел ему возразить, опасаясь оказаться в неловком положении.

– Во всяком случае, – Ориз снисходительно посмотрел на присмиривших солдат, – здесь можете не искать. Я все проверил. – И он, не попрощавшись ни с кем, вышел из таверны.

Когда в дом Эреба пришли воины и объяснили, что разыскивают Юниэра, Эреб мгно- венно сообразил, как надо действовать. Он уверил солдат, что с радостью признает волю Зарада, так как Юниэр никогда не был ему симпатичен. Он даже предложил услуги в поимке преступника. На самом деле, Эреб терпеть не мог Зарада.

– Я не чувствую в нем породы, – говорил он, – ему только мечом махать, да подати сдирать с запуганных людей.

Он считал своим долгом помочь Юниэру, поэтому, посоветовавшись с сыновьями, отпра- вил их на поиски, чтобы предупредить его и помочь спрятаться.

Но Юниэр думал только о том, как спасти Мирэю. К счастью, корабль сундарцев, гру- женный товаром, возвращался назад в тот же день. На борту его, прячась от всех и избегая

разговоров, был едва не коронованный Юниэр, объявленный фейром, убийцей и предателем, но все еще верящий в свою удачу.

Прибыв в Рансан, Юниэр первым делом решил повидать и расспросить обо всем Греда и Акулу. Но напрасно он искал их в деревне. Рыбаки сказали, что братья снарядили лодку и отправились на север навестить заболевшего родственника.

Юниэр полдня бродил по городу и жадно прислушивался к разговорам незнакомых людей.

Народ был странно возбужден. Все говорили, что Зарад – избавитель, посланный свыше. Благодаря ему, сундарцы в скором будущем достигнут невиданной славы и избавят Крор от Сарказа, злогов и фейров. Фейров теперь все дружно ненавидели – ведь они убили их короля! Когда эта нечисть будет истреблена или изгнана, Сундар превратится в благословенный край. Люди объединятся, окрепнут и заставят самих шанкар признать их право на бессмертие. То, что раньше было привилегией фейров, по праву достанется людям.

О Мирэе почти не упоминали, а если говорили, то грустно вздыхали. Она была очень юной, чтобы стойко пережить такое горе, как смерть отца и предательство возлюбленного, и выплакала много слез. Ее одурманили фейрской магией. Все это вызвало серьезное психическое расстройство. Королева больше не видит в жизни ярких красок и боится покидать замок: ей кажется, что кругом враги.

Зарад – добрая душа, женился на Мирэе не для того, чтобы укрепить свою власть, народ короновал бы его и без этой свадьбы, а чтобы девочка не чувствовала себя брошенной и никому не нужной. Теперь он будет рядом и сумеет ее утешить. Может, Мирэя излечится от тоски, и люди вновь услышат ее звонкий смех.

Кровь вскипала от таких разговоров – во всем была фальшь. Юниор испытывал острое желание найти и убить Зарада, но понимал, что это уже не так просто сделать. Наверняка король окружил себя многочисленной охраной, чтобы его не проткнули раньше, чем он обретет долгожданное бессмертие. Надо было вести себя осторожно и, прежде всего, узнать настроение однополчан. Ему не верилось, что люди, с которыми он провел несколько лет полной опасностей жизни, поверят лжи и оклеветают его, как все другие. Но как выйти на них, чтобы не попасться шпионам Зарада?

Ему повезло. В парке Поющих Фонтанов он увидел Физеля. Чтобы побеседовать с ним наедине, Юниэр выбрал момент и буквально стащил Физеля с прогулочной дорожки под прикрытие кустов.

– Тсс, не брыкайся, это всего лишь я, – зашептал Юниэр, разжав ладонь, закрывающую рот Физелю.

– Юниэр, ты? – Физель не мог оправиться от испуга.

– Ну да! Думаешь, что я тебя сейчас зарежу? – Юниэр похлопал друга по щекам.

– Как ты решился приехать в Сундар? Тебя же считают убийцей Киннара.

– Ты, надеюсь, так не считаешь, – холодно возразил Юниэр.

– Нет, что ты! Но уже ничего не докажешь. Мой совет, беги в Крор и прячься; в Сундаре укрыться негде.

– Я не собираюсь прятаться! – возмутился Юниэр. – Мне нужно вызволить Мирэю, а потом уж разбираться с вашим новым королем.

– Мирэя не захочет тебя видеть: она думает, что ты убил ее отца.

– Бред. Ни за что не поверю, что Мирэя так думает.

– Она вышла за него замуж!

– Я должен попасть во дворец.

– Это невозможно. Дворец охраняет стража, вооруженная до зубов.

– Мирэя выходит из дворца?

– Да. Каждое утро королева поднимается к подножию Шанды, к гробнице Киннара. Она одета в траурное платье, и черная вуаль закрывает ее лицо. С ней человек двадцать конвоя.

– А можно сделать так, чтобы ты или кто-то из наших ребят был в конвое и устроил мне встречу? – попросил Юниэр.

Физель с горькой усмешкой покачал головой.

– Нет, никого из нашего полка не допускают ко двору. Скоро нас отправят в Крор от греха подальше. Лафера и Буста выслали из Сундара в первую очередь. Быть твоим другом сейчас смертельно опасно.

– Что он себе позволяет? Мерзавец! – Юниэр стиснул зубы.

– Как же иначе он удержит власть? – пожал плечами Физель.

– Ладно, спасибо и на том. Счастливо жить!

Физель не предложил ему помощь. "Как овечки все подчинились Зараду. Сам справлюсь", – думал Юниэр.

Физель после разговора с Юниэром долго не находил себе места. Он дружески беседовал с человеком, которого мечтал найти и казнить Зарад. Да, конечно, они долго служили вместе, и тогда никто не мог уличить Юниэра в злых помыслах. Он всегда был славным парнем, отчаянным, ловким. Физель его не любил, потому что завидовал. Ему казалось, что Юниэру слишком легко все достается, удача всегда была с ним. Мыслимо ли, Сиреновой ночью среди сотен девочек подцепить саму принцессу Сундара!

Втайне Физелю хотелось, чтобы все, что говорилось сейчас о Юниэре, было правдой, чтобы он был фейром, убийцей, колдуном и совратителем. А почему нет? Ведь фейры умны, хитры и прекрасно владеют собой. Тогда зачем он, Физель, покрывает преступника? Дает ему советы. Предаст своего короля! Физель мучился сомнениями всю ночь. Утром он отправился во дворец и сообщил приближенным короля, что фейрский лазутчик Юниэр вернулся в Сундар и попытается похитить королеву во время молитвы в склепе Киннара. Зарад немедленно отправил туда дополнительный отряд конвоя.

Юниэр сидел в прохладной гробнице и нетерпеливо ждал встречи, спрятавшись за колонной. Мрачный приют сундарского короля озарился факелами. Конвойные выстроились полукругом на почтительном расстоянии от могилы. Сердце Юниэра дрогнуло, когда тоненькая фигурка, одетая во все черное, тихо ступая, подошла к надгробию отца. Юниэр достал меч из ножен. Королева опустилась на колени и откинула вуаль. Юниэр смотрел на нее во все глаза, не понимая, как такое могло произойти. Потом он осторожно и бесшумно спрятал меч в ножны и медленно, таясь за колоннами от света факелов, выбрался из гробницы. Девушка в траурных одеяниях была ему незнакома.

Противоречивые мысли мучили Юниэра.

"Что стало с Мирэ?" – терзался он. Ему не верилось, точнее, он всячески отгонял от себя мысль о том, что коварный Зарад отнял жизнь у молоденькой кузины и похоронил ее тайно в склепе. Он не терял надежды, что она спаслась. Чтобы разрешить свои сомнения, Юниэр отправился в Нарисею. Если Мирэ удалось бежать, то и она будет искать помощи там. Но если его любовь мертва, то Зарад десять раз пожелает себе смерти, прежде чем он позволит ему умереть.

В это утро лже-королеву заставили молиться дольше обычного. Отряд, посланный Зарадом, чтобы предупредить конвойных о предстоящем нападении Юниэра, замаскировался и ждал его, но тщетно. Юниэр, укравший в городе лошадь, уже спешил в Нарисею.

Горькие времена настали для нарисейцев. Никогда прежде не были они так гонимы. Их дома обыскивали, в них кидали камни на улицах, с ними отказывались торговать, и клеймо предателей закрепилось на них, казалось, навечно. На фейров охотились и отправляли их в

тюрьму. Многие сходили с ума от ощущения безысходности, от страха перед будущим. Лишь верой в своего вождя, Тория, держались они.

Зарад свирепствовал, над городом был установлен круглосуточный надзор: ни один корабль не мог покинуть гавань, ни один житель не мог встретиться с другом и переговорить наедине, не опасаясь шпионов. Все недоумевали, кого же ищет столь могущественный правитель, кого боится?

Он не мог ответить им, так как повсюду искал Мирэю, на которой, как все думали, был женат. Скверная история получилась бы, если б народ узнал, что королева раздвоилась, и ее бунтующая ипостась скрывается от мужа, в то время как скорбная половина плачет в замке. Зарад не мог понять, каким образом удалось кузине сбежать в канун их свадьбы? О том, где она находится, кроме него, знала Эльсия, но она была предана ему, умна и, конечно, понимала, что Мирэя на свободе – это угроза для короны, и что от благополучия Зарада зависит ее будущее. Исчезновение королевы представлялось таинственным. Сама она не могла выбраться из комнаты, значит, ей помогли друзья. Но как они проникли во дворец?

В то утро, когда Эльсия с глазами, увеличившимися втрое от изумления и испуга, вбежала к нему в спальню и сообщила, что узница пропала, у Зарада не было времени на поиски. Свадьба была назначена на завтрашний день, весь город готовился к ней.

Если объявить, что королева умерла, горожане потребуют ее тело для слезливых прощаний. Сказать, что нарисейские воры похитили Мирэю – пошатнется вера в него. Какой же он победитель, если позволил, чтобы светлая королева, звезда Сундара, оказалась в руках убийц? Нет, отменять свадьбу нельзя. Люди должны видеть, что в его правление все идет гладко, как задумано.

Пришлось снова обратиться к Терлоку. Колдун выручил его, когда государственные советники потребовали свидания с Мирэей. Не было и речи о том, чтобы показать им озлобленную фурию, которую он держал в подвальном помещении дворца. Он рассказал всем, что королева в отчаянии и скорби, но умолчал, что она плюет в лицо заботливого кузена и называет его убийцей.

Терлок привел другую девушку и показал тогда потрясающий эффект магии иллюзии. Ни у одного человека во время аудиенции не возникло сомнения в том, что перед ними безутешно рыдает настоящая королева. Сам Зарад поразился ее потрясающему сходству с Мирэей.

Он снова воззвал о помощи.

– Свадьба должна состояться непременно!

– Потребуется много сил, чтобы ввести в заблуждение столько людей! – торговался Терлок. – Много энергии. Почему ты сам не можешь справиться со своими неприятностями? Зачем тревожишь старого Терлока?

– Не могу ничего придумать. Проси что хочешь! Я сделаю тебя главным советником, своей правой рукой, но ты должен помочь мне!

– Договорились, – проскрипел Терлок капризно, – но я не смогу долго поддерживать иллюзию. Это нереально. Тебе придется подстроить смерть королевы.

– Хорошо, – согласился Зарад, не раздумывая, – вскоре после свадьбы!

– Вскоре после свадьбы, – эхом отозвался Терлок.

Он привел ту же девушку, которую назвал лесной отшельницей. Свадебное платье пришлось ей впору.

На свадебной церемонии Зарад дрожал, живо представляя, что, откуда ни возьмись, появится настоящая Мирэя, верхом на Чернолуне, и всем откроется правда.

"Дайте мне время, – мысленно обращался он неизвестно к кому, – и я сделаю ложь правдой, и людям понравится верить лжи".

Лесная девушка, наряженная в пышное белое платье, прижимала к сердцу ландыши и едва шевелила губами. Она была очень похожа на Мирэю. Терлок рассказал ему, что «невеста» давным-давно дала обет молчания и ни разу его не нарушила.

"Очень удобная жена, – думал Зарад, – лучше не найдешь".

Теперь, помимо Мирэи, которая, скорее всего, скрывалась в Нарисее, Зараду необходимо было поймать и Юниэра. Король обругал конвойных, прозевавших лазутчика, и тут же отправил их в погоню. Он понимал, что Юниэр в поисках Мирэи обратится за помощью к нарисейцам.

"Как же ему удалось ускользнуть? – подумал Зарад. – Недаром он был моим лучшим воином. Жаль, что его придется казнить, но ничего не поделаешь".

Юниэр мчался, не разбирая дороги, так быстро, насколько позволяли лесные тропы. От шандских гробниц до Нарисеи два дня пути, и Юниэр изо всех сил пытался сократить это расстояние, отделявшее его от разгадки тайны. Лафер предостерег бы его сейчас и посоветовал не лететь сломя голову в приготовленный капкан. Но Юниэру никогда не хватало терпения. Правда, в бою друзей часто выручала его отчаянная смелость, а не только осмотрительность Лафера. Юниэр прищпорил коня и едва не выскочил на поляну, где солдаты поджидали отставших товарищей, раздраженно покрикивая на них: "Пошевеливайтесь, лентяи! Так мы никогда не доедем!"

Юниэр собрался, было, спросить их, как дела в Нарисее, – по-видимому, отряд шел оттуда – но не решился, отсиделся в кустах, пока не исчез вдаль последний солдат. Дальше Юниэр, погруженный в мрачные мысли, продвигался не так быстро. Внезапно на него обрушилась сетка, и его сдернуло с лошади. Конь от неожиданности заржал.

Юниэр, обвитый крепкими веревками, совершенно беспомощный, извивался на траве. Ни разу в жизни он так глупо не попадался! Краем глаза он заметил, как из земли выросла фигура в сером плаще. Не обращая на него внимания, незнакомец подошел к коню, провел рукой по крупу и что-то шепнул ему; тот послушно опустил голову, прислушиваясь, а потом резво помчался прочь от попавшего в сети седока. Тогда человек в сером вернулся к своей добыче. В руке блеснул клинок, и Юниэр мысленно распрощался с жизнью.

– Тсс, – произнес вдруг незнакомец, низко склонившись над барахтающейся жертвой. Юниэр взглянул на лицо под большим капюшоном и узнал Дориана. Тот улыбнулся, перерезал одну лишь нить, и путы соскользнули с Юниэра.

– Почему ты ловишь меня как белку! – возмутился Юниэр.

– Лучше я тебя поймаю, чем зарадовские шпионы, в руки которых ты так радостно спешил. Прямо не знаю, что тебя остановило. Тебе неслыханно повезло, что я тебя встретил.

– Но я должен ехать в Нарисею! – воскликнул Юниэр. – Куда ты угнал мою лошадь?

– Тебе не надо в Нарисею. Там нечего делать, – возразил Дориан.

– Как нечего? – сник Юниэр. – Разве Мирэя не там?

– Нет. Нарисея сейчас опасное место – большая ловушка.

– Но Мирэя! Ты знаешь, где она?

– Да. В безопасности. Насколько сейчас это возможно.

Сердце Юниэра оттаяло.

– Какая радость, что я тебя встретил!

– Мы думали, ты в Кроре. Мирэя так волновалась.

– Где она? Когда я смогу ее увидеть?

– Терпение, мой друг, – Дориан улыбнулся, – следуй за мной.

Фейр повел его в старый порт Маулин, где скрывалась Мирэя. Юниэр не чувствовал под собой ног от счастья и нисколько не отставал от стремительного Дориана, прозванного Сколь-

зьящим. Только поздним вечером они остановились передохнуть, и Дориан рассказал Юниэру о решении фейров покинуть Байлаш.

Сундарцы устроили настоящую охоту на фейров и фей. Торий понимал, что вывезти их в Крор из Рансана или Нарисеи было невозможно: очень уж недружественные настроения царили в портах. Но старый порт Маулин пришел в запустение с тех пор, как Тория и его семью выгнали из их владений. Сохранилось несколько рыбацких деревень, где Тория помнили и любили. На заброшенном причале нашли старый корабль, названный именем матери знаменитого Хема «Сорель». Корабль отремонтировали и подготовили к плаванию. Он должен был доставить гонимых фейров в Крор, где они могли бы найти убежище у Исанны.

На этом же корабле должна была уплыть Мирэя.

– "Сорель" отправляется завтра в полночь, – сообщил Дориан.

– Значит, мы сдаемся, – угрюмо заметил Юниэр, – бежим от врага, вместо того, чтобы разбить его!

Дориан покачал головой.

– Мы не можем победить Зарада. Для народа он почти божество, а мы – банда преступников.

– Но, – возразил Юниэр, – совсем недавно они внимали, раскрыв рты, речам Мирэи, приветствовали ее идеи о дружбе и мире. Если рассказать им, что Зарад томил ее в заточении, женился непонятно на ком...

– Забудь об этом, – прервал его Дориан. – Конечно, настроение толпы изменчиво, но существуют причины более глубокие, чем пылкие речи Зарада. Есть привычки, ломать которые очень болезненно. Сундарцы стали ненавидеть нас не вчера. Сотни лет гложет людей зависть к фейрам. Ты хочешь, чтобы их ненависть улетучилась от приятного голоса юной Мирэи? Они слушали ее, потому что кто-то пустил слух, будто фейры поделятся секретом бессмертия, если восстановится дружба между ними и людьми. Когда этот слух растаял, на сцену вышел Зарад. Он, дорогой Юни, говорит то, что они хотят слышать. Они понимают его всем сердцем и готовы отдать за него жизни. "Мир только для людей!" – вот их лозунг. Поэтому корабль уходит в Эррилию. Фейры расскажут Исанне о злодеяниях Зарада Победителя. Только при поддержке всех кланов мы сможем бросить вызов Зараду. Если удастся объединиться в единую армию и победить этого лжеца, мы сможем спокойно жить на землях наших отцов!

Грустно стало Юниэру, жаль фейров: ведь они за свои долгие жизни так крепко привязываются к местам, где живут. У них, действительно, обостренное чувство родной земли. А для него такого понятия не существует – он странник.

В ту ночь жители Маулина слышали дивное пение. Они вышли на берег моря и увидели белый туман, вызванный магией фейров. Плотная завеса окутала корабль, и никто не заметил, как он отплыл. Но многие плакали, чувствуя, что фейры покидают остров Байлаш.

Дориан и Айрен остались в Сундаре. Их тоже разыскивал Зарад, обвиняя в заговоре с Юниэром, но Мирэя не смогла убедить родных ей людей уехать. Дориан говорил, что умрет на чужбине от тоски и верил, что сумеет сбросить себя и любимую. Остались на острове и Торий с сыном и внуками.

Мирэя поклялась, что обязательно вернется, чтобы освободить свою землю от зла и лжи и отомстить Зараду за смерть отца. Она сделает все, чтобы легкие корабли фейров вновь приплывали в гавани Сундара, а люди встречали их радостно и гостеприимно. Ей было страшно за нарисейцев. Гред и Акула, которые перевезли ее в лодке в Маулин, рисковали жизнью ради нее. Как же хотелось быть сильной, чтобы защитить всех дорогих ее сердцу людей и фейров!

Одного не понимала она: зачем ее вызволил из темницы подозрительный старик, который назвался посланником Тория и привел ей Чернолуна. Она была, конечно, благодарна ему, но что-то в облике старика насторожило ее. Вместо того, чтобы бежать, как он советовал, в

Нарисею, она отправилась в деревню к Греду и Акуле и не пожалела об этом. Через Акулу она связалась с Дорианом, и Айрен рассказала ей обо всем, что творится на острове. И вот теперь она прощалась с Сундаром. Но самым важным было то, что ее любимый Юни был рядом, а вместе они придумают, как переиначить злую судьбу.

Путешествие в Весёлку

Шло время. Молодая королева тихо скончалась во дворце: она не смогла пережить обрушившегося на нее горя. Скорбь об ушедшей недолго омрачала сердца сундарцев. Ни одного короля в истории Сундара люди не обожали так, как Зарада. Его называли Великим Умом, Вечным Героем и другими пышными именами. Будучи очень жестким и требовательным человеком, он словно встряхнул всю страну, установил новые законы и задал стремительный темп жизни. Те же люди, которые были некогда подданными Киннара, а теперь подчинялись Зараду, работали быстрее, точнее и с полной отдачей, потому что поверили вдруг, что они сами хозяйева своего будущего. Киннар хотел, чтобы все были уравнены в правах и счастливы. Зарад стремился к благополучию одних только сундарцев, так что его задача была конкретнее. Зарад больше не боялся возвращения Мирэи: никто не поверил бы ей сейчас.

Никто не возмущался, когда был назначен день новой свадьбы: дочь Ларта дождалась своего звездного часа и взошла на сундарский трон.

Король сдружился с Терлоком, который постепенно стал его правой рукой. Колдун больше его не шантажировал, а всячески помогал. В глубине души Зарад ему не доверял. Знал, что дедушка Терлок отнюдь не добрый волшебник. Но что делать? Он в нем нуждался. Терлок изобрел чудодейственную мазь, которую они называли "Эликсир Эльсии". Он разглаживал морщины, пусть не так уж бесследно, но изобретение произвело фурор. Все, даже те, у кого не было морщин, втирали мазь в кожу и утверждали, что это первый шаг на пути к вечной жизни.

Терлок настаивал, чтобы Зарад был бдителен и суров с врагами. Но Зарад и без него был осторожен, и, если бы кто-то осмелился сделать выпад против него, он бы, не задумываясь, раздавил злодея. Он интуитивно знал законы успешной власти. Но никто на него не покушался.

Деятельному Зараду не сиделось на месте, ведь власть нужна не для того, чтобы дрожать над нею, а чтобы пользоваться ею!

"Для начала, – мечтал Зарад, – я должен свергнуть Сарказу, тогда не только сундарцы, но и народы Крора будут на меня молиться".

Мирэя и Юниэр жили в Эррилии. Здесь она поняла, что раньше не представляла жизнь на материке. Сундар казался ей теперь настоящим раем, обетованной землей.

"Я всю жизнь прожила на острове волшебного-прекрасного, как мираж, – думала она, – а теперь словно вступила в дремучий лес".

Дома, на острове, она слышала много рассказов о Кроре: о людях-варварах, блуждающих в холодных степях, убивающих друг друга за пищу, об уродливых драконах, выжигающих города, о злогах, живущих стаями и нападающих ночью, о гигантских летучих мышах – слепых кровопийцах, кричащих голосом смерти. Но тогда казалось, что рассказчики преувеличивают, что не может быть такого места на земле, где собрано столько нечисти сразу. Сейчас она поняла, что ужас реален, и люди живут бок о бок со смертью.

В фейрском владении Эррилии было спокойно: никто не воевал, не голодал и не нападал исподтишка. Но каждый день приходили разведчики из самых разных мест и обменивались новостями с Исанной и его приближенными. В Рудауре злоги отравили источники, и две деревни вымерли. Мирное население Лебенина подверглось нападению свирепых южан, и тех, кто выжил, угнали в плен. Отряды злогов подходили все ближе к Ратанцам, а черные шатуны Сарказу уже летали над Земуной.

Мирэе передавались страхи людей и фейров, окружавших ее. Даже воздух казался отравленным; люди не жили, а терпели беду за бедой. "Как же мы, сундарцы, могли быть такими равнодушными? – думала она. – Давно пора было сделать что-то решительное, не дать злу рас-

ползтись. Как случилось, что главной заботой для нас стала жажда бессмертия? Пожили бы где-нибудь в Рудауре, вряд ли захотели бы вечного продолжения этой агонии!"

Вечером обстановка в доме Исанны разряжалась: люди и фейры вместе ели и пили, обменивались шутками, смеялись. Но Мирэя не находила покоя, и любое веселье казалось ей кощунством. Все, что разведчики рассказывали днем, ночью превращалось в видения, и Мирэя плакала, просыпаясь. Ей снились кошмары. Юниэр спал как младенец и счастливо улыбался во сне. Он заметил, что Мирэя печальна, и пристал к ней с расспросами. Ее признания поразили его.

– Кошмары в доме Исанны? Невероятно. Для всех путников этот дом, словно очаг надежды. Доброжелательное обращение и фейрские волшебства навевают покой и забвение. Все, кто живет здесь, излечиваются от тоски, и даже самые нервные, поверь мне, спят в Эррилии хорошо.

Не медля, Юниэр попросил свидания у Исанны.

– По-моему, Мирэя больна, – пожаловался он. – Она так безнадежно грустна, словно вместила все печали и ужасы Крора, и даже у тебя не может спать спокойно.

Исанна немного смутился.

– Твоя жена – редкая идеалистка. Она не видела жизни, что непростительно для такой важной особы, как королева Сундара. Киннар лелеял ее как нежную мимозу. А ей, Юниэр, предстоит выполнить задачи, может быть, непосильные для обыкновенного человека. Я намеренно посылаю ей невеселые сновидения, чтобы она поняла, как трудно жить в этом мире. Думаю, это пойдет ей на пользу.

– Не могу поверить, что это говорит мудрый Исанна! – воскликнул Юниэр. – Прекрати свои опыты немедленно, ты сведешь ее с ума! Иначе я сегодня же уеду из Эррилии и увезу бедную Мирэ. Перестань даже думать о ней, как о королеве и исполнительнице особой миссии. Может вы, фейры, не делите свою жизнь на юность и старость, но для людей это очень важно. Не нужен ей горький опыт.

Исанна нахмурился, пожал плечами.

– Когда вы прибыли к нам из Сундара и попросили помощи, чтобы свергнуть Зарада, мы не кинулись впопыхах собирать армию и объявлять ему войну. Мирэя была возмущена и едва не упрекнула нас в трусости. Теперь она знает, что в Кроре довольно своих проблем, а наших сил едва хватает, чтобы оборонить себя от врагов. Прости, больше не буду ее тревожить.

Исанна исполнил обещание, и Мирэе стали сниться самые красивые земли Крора, поющие водопады, полевые цветы, роскошные закаты. Сны наполняла дивная музыка фейров.

События в Сундаре сказались на отношениях фейров и людей на материке: положение и тех, и других ухудшилось. Если раньше они могли сообща противостоять вылазкам врага, советоваться друг с другом и согласовывать свои действия, то теперь, часто не успевали предупредить козни Сарказа и боролись с его приспешниками порознь. А враг не дремал. От внивания Сарказа не ускользнул раздор среди недавних союзников – ему это было на руку.

Мирэя не подозревала, что фейры могут сыпать проклятиями, до того, как в Эррилию из похода в Эмнет вернулся отряд Мизамира. Фейры были подавлены, оборваны, обожжены. Атаку злогов удалось отбить, но черные шатуны напали с неба. Тогда положение фейров стало плачевным – спрятаться от пламени было негде. Злоги захватили в плен двух фейров.

Ясноликого Лотлуина невозможно было узнать – так он обгорел. Его принесли на носилках. Конечно, пострадавших тут же окружили вниманием и заботой, но лица фейров краснели от гнева, когда они вспоминали о пленниках, которых вонючие злоги утащили в Изморг. Мизамир не пострадал в битве, как другие, и ему выказывали недовольство за то, что его подчиненные попали в лапы врагу. Мизамир хмурился, огрызался. Все-таки ему удалось привести домой остальных раненых, а могли бы все сгинуть в Изморге. Но его мало слушали. Все были

возбуждены, трясли оружием и требовали от Исанны немедленной мести врагу и освобождения пленных.

Так случилось, что именно в этот день всеобщего переполоха в Эррилии к берегу пристала лодка с тремя маленькими грибунами. Деловито вытащив ее на берег, грибуны подошли к фейрам, спорящим на берегу.

– Простите, пожалуйста, – робко потянул за рукав высокого фейра Пум. – Нам необходимо встретиться с Исанной Заботливым.

Фейры посмотрели на них недовольно.

– Только не сегодня, малявки. Господину Исанне совершенно не до вас.

– Но, но... – заикался Пум, не ожидавший такого приема, – нам нужна помощь.

– А кому она не нужна в это проклятое время! – отмахнулись фейры и больше не обращали внимания на грибунов.

Пум развел руками, он очень расстроился. Буги был невозмутим.

– Я предупреждал, что так и будет, – объявил он. – Ты, Пум, такой доверчивый, думаешь, что все вокруг твои друзья, а они просто приходят к тебе поесть. Что касается личных дел, то, даже если у тебя крыша сторит или пропадет шляпа, никому дела нет.

– Перестань! – возмутился третий грибун. – Видишь, Пум чуть не плачет. Пошли они все за мухоморами, никто нам не нужен. Подумаешь, фифы бессмертные, возомнили о себе, вознеслись к облакам, думают, что самые важные. Не хватало еще их упрашивать. Сами справимся! – И пылкий грибун направился обратно к лодке.

Его звали Шумми Сосна. Он был крепкого телосложения и, для своего племени, очень рослым. В Веселке все девушки сходили по нему с ума.

Пум Рыжик и Буги, потоптавшись на месте, поплелись за ним. Они уже пыхтели, стаскивая лодку в воду, когда Пума окликнул Юниэр:

– Эй, неужели это Пум! Какими судьбами, старина? – Юниэр подбежал к берегу и обнял Пума.

– Буги, дружище, и ты здесь! Как я рад тебя видеть!

Довольные Пум и Буги оставили Шумми в лодке. Тот не сдавался и всем своим видом показывал, что давно пора отчаливать, а не тратить порох на заносчивых дуборосов.

– Кто это с вами? – обратил внимание Юниэр на гордого грибуна в лодке. – Он живой или памятник?

– Это наш друг, Шумми! – воскликнул Пум. – Шумми, иди сюда, познакомься с Юниэром.

– Очень надо! – возразил Шумми. – Все равно я его не запомню, эти дуборосы все на одно лицо.

– Фу, Шумми, какой ты грубый! Может, Юниэр нас спасет.

– Пусть сам себя спасет, – огрызнулся Шумми. – Ну что, едете со мной или остаетесь?

– Что случилось? – удивился Юниэр. – Едва приехали и уже куда-то направляетесь? Разве у грибунов так принято в гости ходить?

– Мы не в гости приехали, – вздохнул Пум, – у нас большое несчастье.

Шумми заерзал.

– Не смей перед каждым унижаться, ты...

– Продолжай, продолжай, – прервал его Юниэр, – что-то не ладится в "Большой Пирушке?"

– Нет, с ней все нормально, – пояснил Буги, – а вот в Веселке дела не ахти.

– Что там случилось?

На глазах Пума выступили слезы.

– Там... там Грибуноглоп появился.

– Кто? – удивился Юниэр.

– Что ж тут непонятного! – воскликнул Шумми. – Грибуноглот – это тот, кто грибунов глотает. Как будто мы маслята или сыроежки!

– Невероятно! Жуть какая!

– Да-да, посочувствуй. Не верю, что вас, громадин, чем-нибудь прошибить можно. Вдыхаете, киваете, а сами думаете: "А ведь грибун, должно быть, вкусненький и питательный".

– Откуда у тебя такие мысли, Шумми? Ни один человек вас есть не станет. Разве что тролль какой-нибудь.

– Хитрые вы и ненадежные, – упрямылся Шумми.

– Мы сами не можем его победить, там колдовство какое-то, – пожаловался Пум. – Решили помощи у градоправителя просить, но громадины от нас отмахнулись. На соседний порт вчера нападение было, все только и заняты тем, чтобы город укрепить и злогам отомстить. К фейрам приехали – они руками машут, прогоняют. Так что помочь нам некому.

– Я-то, дурак, старейшину послушал. Иди, говорит, к Пуму, у него там все друзья – воины непобедимые, с любым злом одним пальцем справятся, попроси, пусть нам помогут. Знал бы, какие тут снобы кругом, никогда бы в такую даль не потащился. Ничего, мы сами не робкого десятка, – Шумми сжал кулаки.

– Поможем обязательно, – сказал Юниэр, – это не справедливо, чтобы такие чудесные грибуны не встретили поддержки. Давайте ко мне зайдем, перекусим, соберем вещи. Сегодня же выйдем в поход.

– А кто пойдет-то? – спросил Пум.

– Я пойду и Мирэя, – решил Юниэр и направился в сторону от берега, приглашая грибунов следовать за собой.

– Этот Юниэр, он кто? Вроде фейра? – прошептал Шумми Буги на ухо.

– Нет, попримечнее, – ответил тот, – и знаешь почему? Есть в нем наша кровь.

– Врешь! Откуда?

– Секрет. Не проболтайся в деревне. От папы Пума.

– Убью, Буги, за такие идиотские шутки! Лучше скажи, какой из себя его дружок, Мирэй? Покрепче этого будет?

– О, Мирэй – настоящий богатырь, здоровый, как бизон. Сам увидишь, – соврал Буги.

Юниэр провел грибунов мимо стражей во владения Исанны; фейры по-прежнему не обращали на коротышек никакого внимания. Приятели остановились у симпатичного белого домика, где у фейров гостили друзья и путники.

– Мирэя! – закричал он. – Встречай гостей.

Три грибуна заморожено наблюдали, как из открывшейся двери появилась светлолицая синеглазая девушка. Она тоже глядела на них изумленно: раньше ей не приходилось встречать грибунов.

– Познакомься с моими друзьями, Мирэ, – Пум, Буги и Шумми, прошу любить и жаловать.

Грибуны смущенно расшаркались, и Мирэя пригласила их к завтраку. Пока они усаживались, она распорядилась принести дополнительные порции.

– Твоя жена, как жемчужина – век смотри, не налюбуйешься, сплошное восхищение, – прошептал Пум.

Юниэр улыбнулся.

– Это она вышла замуж за какого-то Зарада? – поинтересовался Буги на всякий случай.

– Тебя никто не называл тактичным, правда, Буги? – Юниэр укоризненно приподнял бровь. – Эта девушка за меня замуж вышла, а Зарад на другой женился, но это я тебе потом объясню.

– Очень интригующе. На вид она ничего, не придерешься, поздравляю.

– От тебя принимаю как комплимент.

Шумми Сосна бросал на Буги свирепые взгляды, но тот их не замечал.

– Любезный Буги, – прошипел Шумми, – не согласишься ли ты полить мне на руки?

– Всегда так, – проворчал Буги, – только присядешь и начинается: Буги, подай то, Буги, подай это! – Но встал и подошел к бочке с водой.

– Это и есть твой богатырь? – возмутился Шумми. – Ты у меня нарвешься однажды!

– Да я, – оправдывался Буги, – сам ее впервые вижу.

Когда принесли завтрак, гости изумленно уставились на тарелки. На каждой лежала серенькая пористая лепешка с кубиком, похожим на масло, но ярко-желтого цвета. К ним прилагался ломтик нежно-зеленого мясистого фрукта. Юниэр, заметивший замешательство грибунов, подмигнул Мирэе и спросил:

– Что же вы ничего не едите, дорогие гости?

– А это, вообще, едят? – нахмурился Буги.

– Да, – поддержал его Шумми, – фейры тоже такое едят? Или вы заказали специальный завтрак для грибунов?

– Еда фейров исключительно питательна, – заметил Юниэр.

– Верю, – скривился Буги, – с одного взгляда наелся. – Он отставил блюдо подальше.

Мирэя прыснула.

– Да вы попробуйте сначала.

– Простите, но я не буду есть, пока мне не разьяснят, из чего это сделано.

– Какой ты недоверчивый, Буги! – воскликнул Юниэр. – Это называется рота, а это – брота и окмо-тока, ешь!

– Рота, брота и окмо-тока? – повторил Буги, как заклинание.

Пум Рыжик был очень голоден. С пяти утра у него не было ни крошки во рту, а он был не из тех, кто способен долго терпеть голод.

– Премираетесь, премираетесь! Утомили, – сказал он, решительно размазывая броту по роте, и начал есть. Немного скривился, но жевать не перестал.

– Неплохо, – выдал он. Остальные грибуны осторожно последовали его примеру. Когда тарелки опустели, Мирэя принесла чашечки с десертом.

– Это уже всем знакомо: клубника со сливками.

После первой же ложки Шумми Сосна задумался и решительно отодвинул чашку в сторону.

– Не могу я есть клубнику со сливками, когда из моей деревни грибуны пропадают.

– Где находится ваша деревня? – спросил Юниэр.

– Не очень далеко, – ответил Пум, – Шумми до моей таверны за шесть дней добрался.

– Когда я уходил, то всем строго наказал из нор не вылезать, перебиваться запасами, пока мы не вернемся. Раньше грибунолот только тех грибунов ловил, которые в лесу ему попадались, но, боюсь, если никто туда не пойдет, то он за добычей и в деревню наведается. Надо бы поторопиться.

– Хорошо, – согласился Юниэр, – сегодня же и отправимся.

Юниэр и Мирэя распрощались с Исанной.

– Спасибо за долгий приют и понимание. Но в такое время нельзя сидеть на месте. Должны и мы принять участие в борьбе с нашим общим врагом. Сначала мы грибунам поможем, а потом возьмемся за задачи посерьезнее, – сказал Юниэр.

– Ступайте, – согласился Исанна, – но будьте осторожны: походы по землям Крора – это не прогулки по парку; кого угодно можно встретить. Впрочем, ты, Юниэр, знаешь. Помни, что рисковать не надо, ты теперь не один. Может, Мирэе лучше остаться в Эррилии?

– Нет, – живо возразила Мирэя, – я с ним иду.

– Ну что ж. Да хранит вас всеблагая Явь.

Свидание с Исанной было кратким, так как ему еще предстояло решить, как вызволить из Изморга пленных фейров.

Пума доставили морем до дельты Иртуна, откуда он отправился в Петлицу приглядывать за "Большой Пирушкой", а отряд из четырех добровольцев: Юниэра, Мирэи, Шумми Сосны и Буги Нытика, – отправился вверх по Иртуру. Плыть по реке на лодке было легче, чем идти по берегу пешком, поэтому спасатели решили воспользоваться речным путем, пока позволял маршрут.

Путешествие было довольно приятным, если не брать во внимание постоянные перебранки между грибунами. Шумми Сосна терпеть не мог Буги за то, что тот его подначивал, а Буги тем больше нравилось изводить Шумми, чем горячее тот реагировал.

Но Юниэр и Мирэя не замечали их ссоры. Мирэя впервые участвовала в походе по Большой земле, и беспричинная радость переполняла ее. Этот поход был, как свежий ветер для их чувства, их постоянно влекло друг к другу.

– Жалеешь, что не осталась в Эррилии? – дразнил ее Юниэр.

Глядя, как они оба сверкают от счастья, Буги пожимал плечами.

– Не понимаю, они что, медовый месяц справляют или серьезным делом занимаются?

Вечерами, перед тем как все засыпали, Мирэя рассказывала сундарские легенды о днях давно ушедших. Эти истории очаровывали Шумми. Он не мог уснуть, думая ночи напролет о великих героях прошлого, о прекрасных вещах, созданных людьми и фейрами, о том, каким добрым мог бы быть мир. Но бессонница не утомляла его, напротив, он чувствовал прилив сил.

Всего два дня пути оставалось до Весёлки, и путники шли лесом. До сих пор им не встретились ни одна живая душа, добрая или злая. Лес был сырой, с множеством ручьев и болот.

– Я не жалею, – бормотал Буги, – что промочил ноги, потому что это случилось раньше, в лодке.

– Ты прожужжал мне об этом все уши, – буркнул Шумми, – научись летать, если такой чувствительный.

– От тебя, Шумми, только гадость услышать можно.

– Ой, замолчи, я с тобой больше не разговариваю.

Вдруг до путников донесся стон, а потом ругательства.

– Тсс, – сказал Юниэр, – нам следует быть осторожнее.

– Ничего страшного, – пожал плечами Буги, внимательно глядя в даль. – Это подгорец орет. Его болото засасывает.

– Надо помочь! – воскликнул Юниэр.

– Зачем? – возразил Буги. – Может, он скверный подгорец.

– Это мы выясним. Не будь таким равнодушным, Буги.

Юниэр нашел корягу покрепче и поспешил к страдальцу. Совместными усилиями с обеих сторон подгорца удалось вытащить на твердую землю.

– Обязан всем, – прохрипел спасенный, отдышавшись. Вид у него был плачевный: одежда и борода намокли и покрылись ряской, к коже присосались пиявки.

– Назови свое имя, – потребовал отчета Шумми.

– Дебори, – представился тот, усмехнувшись.

– Как ты здесь очутился? И почему один? – спросил Юниэр, знавший, что, подгорцы редко уходят далеко от гор и если путешествуют, то группами.

– Заблудился, – пожаловался Дебори, – я в этих местах впервые. Шли мы с друзьями домой, в Ратанцы, из Куина. Однажды утром они отправили меня собрать ягод и грибов к завтраку. Был туман, и пока я ходил, он стал почти непроницаемым. Потом я услышал голоса, совсем близко, но они были мне незнакомы и речь непонятна. Пришлось спрятаться за большое дерево; наверное, это был дуб, а может и сосна, в тумане ведь не различишь. Я не мог позвать

друзей, кричать боялся, потому что неизвестные могли меня услышать. Когда туман рассеялся, я понял, что потерялся. Вам не попадались подгорцы?

– Нет. Ты первый попался.

– Я уже два дня здесь блуждаю. Ни поесть толком, ни поспать, как в полуобмороке хожу.

Невнимательным стал, вот и оступился.

– Хорошо, что мы подоспели вовремя, – заметил Буги, – а то бы «буль-буль» и – прощай, Дебори. Как тебе повезло!

– Наверное, я везучий, – пробурчал подгорец.

– Из какого ты клана? – испытующе разглядывал его Юниэр.

– Я из Дома Халцедона, достойный человек, – положил руку на сердце Дебори. – Сын Рори Сердоликого.

Хорошо сказал, почтительно. Для подгорца его клан – это станова яила, любовь и верность, незыблемая, как сама гора.

Путники пожалели подгорца. Дебори вымылся в ручье, прополоскал одежду. Потом его накормили ротами; он кривился, но ел.

– Какой-то у него вид, – шепнула Мирэя Юниэру, когда Дебори не было поблизости, – недобрый.

– Тебе показалось, – рассмеялся Юниэр. – Все подгорцы мрачноваты и необщительны. И тоскуют вдали от любимых гор.

Поскольку путники были недостаточно знакомы с Дебори, в планы свои его не посвящали. Сказали только, что идут в гости, в Веселку. Подгорец поинтересовался, где это место, и заверил, что, хотя Ратанцы намного дальше, ему с ними по пути, и, возможно, позже им встретятся его спутники. Он уверен, что его ищут, – подгорцы своих не бросают. Дебори попросил позволения присоединиться к отряду.

– Конечно, – разрешил Юниэр, – мы хоть какую-то дорогу знаем, а ты опять в болото попадешь. Пойдем с нами, вместе веселее.

Чувствуя, что цель их близка, друзья быстро продвигались вперед, шутили, смеялись, даже Буги и Шумми не придирались друг к другу. Только Дебори был печален, но его можно было понять: потерял друзей, да еще в болоте искупался. День близился к закату.

– Пора отдохнуть, – остановился Юниэр, – а то не успеем устроиться на ночлег до наступления темноты.

– Я могу собрать хворост для костра, – вызвался вдруг Дебори, когда путешественники выбрали поляну для ночлега.

– Только не ты, – усмехнулся Юниэр, – не хватало еще тебя искать.

– Я хочу быть полезным, – настаивал Дебори.

– Да пусть идет, – вступился за него Буги, который устал и не хотел идти за дровами сам.

– Ладно! Если что, кричи.

Путники с удовольствием растянулись на траве, расслабляя утомленные мышцы, а подгорец ушел за дровами. Очень скоро друзья пожалели, что отправили его одного. Он долго не возвращался, а темнело быстро, и, в конце концов, Шумми и Юниэр сами набрали дров и развели костер.

– Ну не мог он опять в болото провалиться! – воскликнул Юниэр.

– Наверное, что-то другое случилось, – пожал плечами Шумми.

– Угу, – поддержал его Буги, ежась даже у костра, – может быть, грибуноглод горемыкой не побрезговал.

Все замерли. Буги был прав. Они подошли довольно близко к Веселке, и враг, возможно, рыскал где-то рядом, а они только сейчас о нем вспомнили. Стало неудобно и очень тихо.

– А вот и я! – раздался вдруг радостный голос, и все вздрогнули, как будто увидели огромного грибуноглода с вилкой в руке, а не Дебори, согнувшегося под тяжестью сухих дров.

– Мы уже думали, что ты не придешь, – заметил Буги, – собрались на стол накрывать, помянуть тебя ротой да бротой.

Дебори сердито сверкнул глазами.

– Рановато вы со мной распрощались.

– Почему ты так долго бродил? Мы же волновались! – отчитала его Мирэя. – Мало ли, кого тут ночью встретишь!

– Я же рядом был, – оправдывался Дебори.

– Предлагаю ночью по очереди в карауле стоять, – сказал Юниэр – Спасибо, Дебори, что принес так много дров, теперь мы до утра сможем поддерживать огонь в костре. Отдыхайте все; я первым буду сторожить, потом тебя, Буги, разбужу, потом Шумми и последнего – Дебори. Так что спите, не теряйте времени.

– А сказка! – воскликнул Шумми. – Мирэя расскажет?

– А ты без сказки не можешь? – спросил Юниэр.

– Настроение какое-то паршивое, может, улучшится, – смущенно ответил Шумми.

– Хорошо, – согласилась Мирэя, – я расскажу вам легенду об открытии острова Байлаш.

В давние времена Дамарх Извратитель подчинил себе почти все земли Крора. Народы Крора ненавидели его лютой ненавистью, но их страх был еще сильнее. Тысячи людей рубили лес и строили великий флот для Дамарха. Ему мало было власти, и он стремился найти новые земли и расширить свои владения.

Бессмертный Дамарх, как все нирриты, жаждал разрушения. Но не только прекрасные, с любовью созданные миры были его целью, любил он топтать лучшие души, унижать достоинство, глумиться над чувствами людей и фейров. Он знал, что все его ненавидят, и забавы ради устраивал поединки, предлагая даровитым магам попробовать его уничтожить.

Хем не был магом. Отец его, Джой, строил корабли, а вот о матери говорили, что она майяви. Кто-то верил, но значения этому не придавал. Не всякая майяви даже хворь изгнать сумеет, а уж с магами в колдовстве тягаться и подавно. Когда Хем вызвался противостоять Дамарху, все решили, что обезумел парень или жизнь ему не мила. Пытались отговорить. Только Джой сказал: "Пусть идет". А мать, Сорель, обняла сына и благословила.

Дамарх скривился при виде Хема, скучно ему было с такой жертвой: сохнет после первого удара. Глупый парень даже меча заколдованного не взял, встал, как баран покорный, и руки к груди прижал. А Дамарху пришлось голову ломать, придумывать, как продлить забаву с жалким простолоудином. Уставились друг на друга злыми глазами. И вдруг Хем развел ладони и выплеснулся на ненавистного владыку свет, яркий, как взорвавшаяся звезда. Не успел Дамарх отскочить, не сумел глаза отвести. Вымело его этим светом за пределы Шамбары, в мир, где носятся гонимые ветрами, неприкаянные духи, а плоть его рассыпалась прахом.

Зрители поединка, ослепленные вспышкой необычного света, не поняли, что произошло. Был Дамарх и... исчез!

Хем сжал кулаки, стиснул зубы, по щекам его потекли слезы. Вместе с благословением отдала ему мать свою силу. Была Сорель феей Радуги, и совершила праду – пожертвовала собой ради живых. Такой была сила ее света, что ниррита выбросило из мира, к которому он присосался пиявкой.

Потрясенные люди стояли на площади и не знали, что делать. Вдруг синяя молния пробила облако, и прямо перед Хемом опустился дракон по имени Вечер. Толпа кинулась врассыпную, но все услышали его громовой голос: "Собирай войско, Хем Светоносный! Мало победить Дамарха, нужно взять Изморг, освободить народы Крора от приспешников тирана, пока они не опомнились!"

Быстро разлетелась весть об удивительной победе, люди воспрянули, окрыленные надеждой; собралась толпа и двинулась на Изморг. Первым летел Хем на синем драконе. По дороге присоединялись к ним все жаждущие биться за свою свободу.

Знал Сарказ, верный прислужник Дамарха, что разъяренные люди сокрушат Изморг, камня на камне не оставят, но не испугался. Зачем сражаться, если сила его в колдовстве. Самые смелые, честные и отважные гибнут первыми. Встретил армию нападавших густой, ядовитый туман, и пали многие воины, даже не достигнув вражеских ворот. Самого Хема вынес из отравленного марева Вечер. Птицы полетели назад, предупредить всех, кто следовал за Хемом, чтобы спасались бегством. Люди, звери, змеи, – все спешили прочь от смертоносного тумана, который полз за ними следом. Понял Хем, что не остановится Сарказ, погубит земли Крора, отравит все вокруг, но не сдастся! И тогда приказал Хем всем живым взойти на корабли, которые построили для Дамарха, и спастись в море. Кто успел, уплыли от опасности, а туман дополз до берега и развеялся. Много магических сил потерял Сарказ и не стал преследовать беглецов.

Места, отравленные туманом, долго еще считали гиблыми. От самого Изморга до Прибрежных гор протянулась "Горькая просека".

– Прибрежные горы мы до сих пор называем «Душегубцами», – усмехнулся Дебори. – Опасные места.

– А бухту, где строился флот Дамарха, называют "Проклятой Гаванью". Никто не селится там, – кивнул Юниэр.

– Я слышал, что черные шатуны выползли из мари, – вставил словечко Буги.

– Давайте послушаем про Байлаш, – сердито потребовал Шумми. – Откуда Хем знал про остров?

– Хем не знал, но верил, что на другом краю океана, есть прекрасные земли шанкар. Многие жители Крора думали, что это легенда, а шанкар придумали их предки для самоутешения. Хем же надеялся, что шанкары существуют и не дадут умереть его людям. И в Нара он верил. Сорель учила сына, что Нар не бросил свой народ на произвол судьбы. Он просто странствует по Вселенной и созидает новые миры или обороняет их от нирритов. Нар помнит о людях, которых он привел в этот мир, и не помогает им только потому, что со многими проблемами люди могут справиться сами.

Много дней корабли блуждали по морю, только не встречались им новые земли. Измученные страхом и голодом, отчаявшись, беглецы просили Хема развернуть корабли и даже завидовали участи тех, кто погиб в тумане.

Однажды ночью рулевой разбудил Хема и указал рукой на светящийся корабль-призрак, плывущий впереди, – он не поверил своим глазам, хотел, чтобы Хем подтвердил, что корабль ему не мерещится. Видение не исчезало, а двигалось впереди флотилии, озаряя ей путь. Сердце Хема дрогнуло, порываясь вдогонку за ним. Сам Нар привиделся ему у штурвала.

Хем объявил своим людям, что они спасены. Нар приведет их к землям шанкар, и они приютят скитальцев, как некогда Каратар принял небесные ковчеги Нара и расселил изгнанников космоса на своих землях.

Никто не знает, как долго еще длилось это плавание: время потеряло значение, люди перестали ощущать голод и жажду и порой казались призраками сами себе. И, наконец, свершилось! Обрисовались контуры долгожданной земли. Зазвенели восхищенные голоса, расцвели улыбками лица. А золотой корабль стал вдруг подниматься все выше и выше в небо, и люди наблюдали заморожено, пока он не растаял в дымке облаков.

Корабль исчез, но земля никуда не делась, и скоро флотилия Хема пристала к гостеприимным берегам. Это и был остров Байлаш – теплый, красивый, богатый растительностью и непуганой дичью. Хем понял, что это не земли шанкар, но люди его радовались тому, что есть. Вода в источниках была чистой и вкусной, рыбу можно было ловить руками, деревья манили диковинными плодами и благодатной тенью. И все это изобилие принадлежало им, а не Дамарху!

Хем в смятении ушел в горы, поднялся выше и осмотрелся. Он увидел на западе, на горизонте, что-то сияющее, манящее.

"Почему ты не остался с нами? – воззвал Хем к Нару. – Чем мы плохи, чем не радуем тебя? Будь нам отцом и учителем! Может, ты не хочешь отвечать за нас – твоих созданий, или тебе стыдно за нас перед шанкарами?"

Дрогнула гора перед Хемом, и его вдруг обдало теплым светом. Зажмурился Хем и услышал Голос: "Вы дороги мне. Для вас создан этот прекрасный остров, на котором есть все, что пожелает душа человеческая. Живите дружно, не открывайте сердца злу, ненависти, зависти и не ищите земли шанкар! Лучше жить хозяевами на своей земле, чем гостями в чужих пределах. Я всегда вижу вас, высоко над землей глаз мой – Золотой Наян, все вы как на ладони! Назначаю тебя, Хем, вождем над людьми, учителем, отцом и примером. Прими в дар от меня Янтарное Зеркало. Захочешь моего совета в трудную минуту, подойди к зеркалу, и решение придет".

Хем открыл глаза и увидел огромное зеркало, прозрачное как жидкий мед, глубокое как горное озеро, гладкое как полированный щит. Отблески небесного пламени играли в нем; Хем видел себя, и небо, и жемчужные облака. Еще шаг, и он окажется на той стороне, уйдет в мир горний и увидит Нара. Но он не сделал этого шага и стал первым королем Сундара.

Мирэя замолчала, устала.

– Спасибо, Мирэя, голос у вас такой задушевный и красивый, не наслушаешься, – вздохнул Шумми и задумался.

– Янтарное зеркало? – вдруг проявил интерес Дебори. – Таких не бывает.

– Королевская реликвия. Во времена правления Манвира зеркало перенесли во дворец, и с тех пор оно стоит в тронном зале.

– А вы что, видели его? – недоверчиво хмыкнул Дебори.

– Видела, – в глазах Мирэи таилась печаль. – Говорят, пока короли Сундара правят по заветам Нара, Сундар пребудет вечно.

– Оно, правда, большое? – не унимался Дебори.

– Большое, – кивнула Мирэя и отвернулась, чтобы никто не заметил, как ей больно. Юниэр понял, что воспоминания растревожили ее, придвинулся ближе и обнял любимую.

– Довольно расспросов, Дебори! – сказал Юниэр. – Ложись спать.

– Нет, я не усну. Отдохните лучше вы, а я посторожу. Когда устану, то разбужу кого-нибудь. Надо же, такое зеркало! Прозрачное, гладкое и огромное... жидкий мед, – бормотал Дебори, не находя себе места.

Юниэр колебался одно мгновение: все-таки Дебори для них – случайный прохожий, стоит ли ему доверять. Но ему так хотелось успокоить Мирэю. Он кивнул подгорцу и увел ее от костра.

– Почему Нар допустил, чтобы папу убили? Если он, правда, все видит, почему он допустил? – заплакала Мирэя в голос.

У ее возлюбленного не было ответа на этот вопрос, он обнимал ее и целовал слезы на щеках, пока усталость после трудного дня не одолела их обоих.

Грибуны разместились поудобнее, и скоро Буги засопел под негромкое потрескивание углей в костре. Дебори, сгорбившись, сидел у огня, мечтательно глядя вдаль.

Шумми лежал с закрытыми глазами, представляя себе чудесный остров Байлаш. "В этих благословенных землях, – думал он, – все должно быть по-другому". И он представлял деревья с золотыми стволами и большими лиловыми листьями. "Пойду, поговорю с Дебори", – решил Шумми, чувствуя потребность поделиться с кем-нибудь мыслями, навеянными рассказами Мирэи. Он повернулся и увидел, что подгорец занят странным делом: заливал их костер водой. "Жарко ему, что ли?" – удивился Шумми. Он забеспокоился, но вместо того, чтобы разбудить остальных, решил проследить за подгорцем сам.

Дебори, потушив костер, тихо встал и исчез в темноте. Луна еще не взошла, и Шумми едва различал силуэт беглеца, преследуя его по пятам. Люди растерялись бы в такой тьме, но грибуны, как говорится, "слышат пятками". Подгорец продвигался довольно быстро, как будто прекрасно знал куда идет. "Заблудится такой, как же! – думал Шумми. – Он лучше меня этот лес знает".

Через какое-то время встревоженный Шумми почуял запах дыма и услышал угрюмые голоса. Дебори добрался до своих дружков. Шумми затаился в кустах. У костра сидело три подгорца, они радостно гикнули при виде соплеменника. Вид у них был самый разбойный. Напрасно Юниэр считал подгорцев не опасными, на взгляд Шумми, все они были злобными, бородатыми стариканами, замышлявшими страшные козни.

– Ну что, атаман, принес добычу? – спросили подгорцы после приветствий.

– Они пустые, хуже нищих, – отмахнулся Дебори. – Я порыскал по сумкам – одно фейрское дерьмо. Зря время потратил. Рассказали мне о волшебном зеркале из янтаря, но оно далеко, где-то на острове. Надо уходить, пока они не проснулись.

– Что ж ты их не зарезал? Спокойнее было бы.

– Зачем? Все-таки они достали меня из болота. А что наша пленница, молчит?

Тут Шумми заметил, что неподалеку от говорящих лежит сверток и едва шевелится.

– Да хоть ты тресни, молчит, угрозы не помогают.

– Значит надо пытаться, – распорядился Дебори.

Подгорцы подтянули сверток ближе к костру, и Шумми увидел знакомое лицо. Все в нем перевернулось от возмущения, и он едва не крикнул: "Волнушка!" – но прикусил язык. "Негодяи, мерзавцы, – думал он, – как они посмели ребенка украсть? Что она им сделала?"

– Что ты надумала, дорогая, за это время? – приторным голосом спросил Дебори, вынимая кляп изо рта своей жертвы. – Скажи что-нибудь хорошее.

– Заплесневелый лишайник, волосатая кукуруза, шелудивый скунс, – затараторила Волнушка без остановки, и Дебори снова заткнул ей рот.

– Смотри сюда, – прорычал разозленный подгорец, – ты сама этого хотела. И он приказал приятелю покрепче держать ноги Волнушки, а сам принялся раскалять на костре железный ломик.

– Почему я не взял с собой меч? – мучился Шумми, в ужасе наблюдавший эту картину. Он схватил с земли большую палку, и, когда орудие пытки уже подносили к коричневым пяткам Волнушки, Шумми выскочил на поляну, размахивая дубиной. Он почувствовал себя безрассудно храбрым.

– На помощь! – заорал он в полную глотку. – Юниэр! Скорей! Бей предателя! Налетай!

Грибун надеялся напугать подгорцев и, они, правда, сначала всполошились. Шумми сунул палку в костер и отогнал всех от Волнушки.

– Юниэррррр, – не переставая, кричал Шумми, – круши их, бей!

Подгорцы чуть было не сорвались с места, но быстро поняли, что, кроме размахивающего дубиной грибуна, никого вокруг нет. Положение Шумми стало незавидным. Четыре приятеля, напоминающие один другого, как братья-близнецы, с красным блеском в глазах и звериным оскалом, одновременно вынули из-за поясов топоры и завертели ими в воздухе.

Волнушка умудрилась выплюнуть кляп и завизжала так, как могла визжать только она: "Ааааа... помогите!"

Все на мгновение оглохли. Отголоски этих криков разбудили Юниэра, Мирю и даже Буги. При свете только что показавшейся луны они увидели, что костер потух, и ни подгорца, ни Шумми рядом с ними нет. Тут снова до них донеслись вопли Волнушки, и все трое, не задавая лишних вопросов, кинулись на зов. Буги содрогнулся от ужаса, ему привиделся Шумми, исчезающий в ненасытной пасти грибуноглоота.

Подгорцы набросились на Шумми, но тот не дрогнул. Раскаленной палкой он ткнул в бороду первого прыгнувшего на него разбойника, борода вспыхнула; но второй подгорец ударил Шумми топором по голове, и тот рухнул без сознания. Пока один из злодеев тушил бороду, другой заткнул рот Волнушке и, взвалив на плечи ее легкое тело, помчался в лес. Сообщники побежали за ним.

Когда Юниэр, Мирэя и Буги прибежали на место происшествия, то увидели только поверженного Шумми, лежавшего лицом вниз с окровавленной головой. Юниэр повернул его на спину и прижался ухом к груди.

– Живой! – воскликнул он. – Сердце бьется.

Мирэя перевязала грибуну рану на голове. По счастью плотная шляпа смягчила удар, и топор скользнул по черепу, не повредив его. Шумми открыл глаза и увидел расплывчатые, как облака, силуэты своих друзей.

– Догоните их, пожалуйста! Там Волнушка! – просипел он, едва к нему вернулся дар речи.

– Где Дебори? – спросил Юниэр.

– Дебори – разбойник, и его приятели тоже. – Шумми попытался подняться на ноги, но упал.

– Ты полежи, мы попробуем освободить твоего друга. Буги, посиди с Шумми и позаботься о том, чтобы ему не стало хуже.

Юниэр и Мирэя побежали вслед за злодеями. Подгорцы были уже далеко, и они не могли их видеть, но слышали отдаленный топот сапог. Дебори и его приятели бежали, тяжело дыша и передавая друг другу сверток с Волнушкой.

– А ну-ка, стоп, – сказал вдруг Дебори, взглянув вверх, – все в овраг.

Разбойники сошли с тропинки и затаились в канаве. Перед ними сияли голубыми огоньками деревья, как будто множество светлячков сидело на стволах и ветвях. Они словно выстроились вдоль границы, образуя светящуюся изгородь.

Местные жители знали, что нельзя ходить за черту, обозначенную мерцающими деревьями. Те, кто попадал туда, не возвращались. Но никто не предупредил Юниэра и Мирэю. Они спешили, надеясь, что вот-вот настигнут беглецов, и не могли остановиться.

Подгорцы выползли из оврага, надрывая животы от хохота.

– Вот это погоня! – радовались они, – даже драться не пришлось.

Они вернулись к костру, чтобы передохнуть и упаковать вещи, так как в спешке все побросали, пытаясь убежать от грозных преследователей.

У костра сидел Буги, оставшийся присматривать за раненым. Он подскочил на два метра, когда увидел, как четверо подгорцев выросли из темноты.

– Ха, малявка! Привет. Что, не ожидал? Обрадовался до смерти, по лицу видно.

– Думал, что дружки твои наши головы сюда за бороды притянут! Не дождешься!

– Я тебе вот что скажу, Буги, – ухмыльнулся довольный Дебори, – твои друзья так быстро бегают, как косули! До сих пор, небось, скачут.

– Что с ними случилось? – дрожащим голосом спросил Буги.

– Небольшая промашка вышла. Они быстрее нас бежали и в Зачарованный лес попали, – пропел один из злодеев.

– О-о! – схватился за голову Буги.

– Не жди подмоги! – сказал Дебори. – А что там за писк? Этот герой еще жив?

Шумми застонал, он бредил.

Волнушка извивалась в свертке, но второй раз выплюнуть кляп ей не удавалось.

"Ну и дела, – подумал Буги, – хуже не бывает". – Но скоро он понял, что ошибался.

– Что, порубим их на куски? – предложил Дебори один из приятелей. – Чтобы не сболтнули лишнего.

- Я думаю, что достаточно языки отрезать.
- Лучше порубить. Этих грибунов в лесу – как шишек еловых. Никто и не заметит.
- Тогда Лавашка не скажет, где клад, – возразил Дебори.
- Не скажет – пригрозим, что дедушку убьем или бабушку. Что ей этот клад, дороже родственников?

Буги внимательно следил за кровожадными бородачами. Шумми лежал рядом и был без сознания. Буги в отчаянии соображал, как спастись. Он хотел закричать: "Постойте, я тоже знаю, где клад!" – но от страха только тоненький свист вырвался из груди. Буги закрыл глаза, упрямо надеясь на чудо, и... услышал певучую речь.

- Нельзя же все споры решать топорами. Кому тут не спится глухими ночами?

Голос был мягким, вкрадчивым. Никто не заметил, как она подошла, – босая девушка, в простом зеленом платье. У нее были светлые вьющиеся волосы и глаза темные как фиолетовый сумрак.

– И, правда, кому? – разозлился Дебори. – Что вы лезете не в свое дело? Ступайте дальше и не задерживайтесь. Мы тут без вас разберемся.

- Не разберемся! – воскликнул Буги.

Девушка снова заговорила:

- Послушай, Дебори, разбойник и вор, Волнушку оставь – таков уговор,

Ты братьев-злодеев с собой прихвати и больше не стой у меня на пути.

– Кто ты такая, чтобы мне указывать! – возмутился Дебори. – Сама иди, откуда пришла. – Дебори схватился за топор и шагнул к незнакомке.

Буги подкрался к свертку с Волнушкой, перерезал связывающие ее путы и вынул кляп. "Ф-фу! – выдохнула Волнушка. – Наконец-то!"

Незнакомка не стала тратить время на разговоры. Она достала лук, отклонилась назад и без усилий выпустила три стрелы, которые сразили братьев Дебори. Больше Дебори не нужно было уговаривать, он сиганул в сторону, как заяц, и пропал из виду.

Буги испытывал чувство нереальности. Он понял, что это магия, а магии он не доверял. Волнушка, напротив, смотрела на светловолосую девушку с восхищением.

– Волнушка, – зашептал Буги, – надо спрятаться, это какая-то колдунья. Может быть, она и есть грибуноглод.

– Фантазер, – рассмеялась Волнушка. – Это же Мудрена, она нашу деревню от этого хищника спасла. И сейчас выручила из беды.

Загадочная волшебница не стала преследовать Дебори, да и братьев его не убила, а только усыпила своими стрелами. Проснутся подгорцы, как новорожденные – с чистой памятью. Мудрена – так назвала ее Лавашка – подошла к раненому Шумми и, погладив его по голове, привела в сознание.

– От всех покушений избавлены мной,
Бегите в деревню знакомой тропой,
Где ждут заплутавших у каждых ворот,
И дружно живите без всяких забот.

– Не получится, – вздохнул Буги, – как же Юниэр и Мирэя? Мы что, их больше никогда не увидим?

- Скажи, что случилось с твоими друзьями, куда все бежали, где их потеряли?

– Друзей обманул Дебори-балбес, попали они в Зачарованный лес, – угрюмо ответил Буги. В новой знакомой его раздражала манера разговаривать.

- Да ты что! – испуганно воскликнул Шумми. – Что с ними будет теперь?

Мудрена всплеснула руками.

– Навеки в озерных чертогах замрут,
Найдут они там покой и приют.
Так все, кто в таинственный лес попадает,
О мире и прошлом, увы, забывает.
Себя посвящают они красоте,
Чужие друг другу, чужие себе.
Блуждают они в лабиринте озер,
Не в силах порвать иллюзий узор.

– И ничего нельзя сделать? – умоляющим голосом спросил Шумми. – Они такие молодые, красивые. Неужели все кончено?

– Да, Шумми. Не послушать тебе больше сказаний Сундара, – опустил голову Буги.

На душе у него было пакостно. Юниэр с такой готовностью согласился идти с ними в деревню и попал в ловушку, из которой выхода нет. Грибун злился на Мудрену – могла бы раньше на помощь прийти, если такая способная.

Мудрена нахмурила брови и задумалась.

– Представьте-ка быстро друзей вы своих, как можно отчетливей вспомните их, – обратилась она к грибунам.

Те повиновались, очень хотелось верить, что колдунья что-нибудь сделает. На взгляд Буги, она была слишком молода и не внушала доверия, но и у него появилась крошечная надежда. Мудрена сосредоточилась и вдруг покачнулась от волнения.

– Достойных людей повстречали вы оба.
Не знаю, когда их увидите снова,
Их мысль попытаюсь привлечь я извне,
И больше, чем вам, нужны они мне.
Придем мы сейчас к моему шалашу,
Меня не тревожить я вас попрошу.
Не день и не два я буду молчать,
Меня в это время нельзя отвлекать.

Грибуны пошли вслед за Мудреной, разговаривая шепотом, боясь нарушить ее сосредоточенность. Буги исподтишка наблюдал за колдуньей. Она шла, легко переступая босыми ногами, подвластная какому-то особому ритму.

– Волнушка, – попросил он, – кто она такая? Расскажи.

– Никто толком не знает, – ответила та. – Пришла в деревню и все песни пела и пела. Голос у нее добрый. Мы сначала прятались в норах, а потом не выдержали. Она рассказала, что знаки оградительные начертила вокруг нашей земли от всех врагов. И с грибуноглотом справилась. Этот тролль противный – теперь всего лишь истукан каменный. Мы его отнесли в огород – птиц пугать. Я думаю, – Волнушка перешла на шепот, – что это, может быть, сама Вешенка!

– Да ну! – не поверил Буги.

– Как же ты подгорцам попала, если в деревне такая могущественная колдунья объявилась? – спросил Шумми.

– Она не всегда у нас живет, пропадает иногда. А эти твердолобые мочалки напали на меня в лесу, когда я за медом лазила.

– Ну-ну, продолжай, – усмехнулся Буги, – зачем это ты им понадобилась?

– Значит, понадобилась, – тряхнула челкой Волнушка, – ненужных не ловят. Может, я тайну знаю, тебе-то что?

– А-а-а, – протянул Буги, – тайну значит? А как насчет клада?

– Клад, – подмигнула Волнушка, – это мое приданое. Не скромно об этом выспрашивать. Разве что, ты, Буги, жениться на мне захочешь, когда я подрасту?

– Ни за что, – отскочил от нее Буги, – пусть у меня пятки оглохнут, если такая мысль придет мне в голову.

– Вот и не любопытствуй, – рассмеялась Волнушка, – я свое приданое от всех прячу. Она покосилась на Шумми, но тот не проявил интереса. Шумми считал ее маленькой девчонкой, недостойной его внимания. Волнушка вздохнула.

Они подошли к шалашу, сплетенному из ивовых веток, с конусообразной крышей. Постройка отличалась простотой и аккуратностью. Мудрена вошла в свое жилище, села на циновку и задумалась. Грибуны устроились неподалеку, чтобы охранять ее убежище от посягательств. Может ей удастся вызволить друзей из беды.

Мирэя и Юниэр не вернулись, когда поняли, что потеряли след беглецов.

– Мы их не догоним, – сказала Мирэя, удивленно оглядываясь по сторонам.

– Я никогда не видел такого красивого места! – восхищенно воскликнул Юниэр.

– Я тоже.

И, действительно, было чему изумиться. Повсюду их окружали роскошные цветы благодатного лета: пестрые орхидеи, королевские магнолии, палевые и винно-фиолетовые розы. Гигантские папоротники смыкались и расходились вновь, словно волнистые веера.

Они подошли к небольшому овальному озеру аквамариновой прозрачности; на дне его посверкивала золотистыми чешуйками слюда. Даже разноцветная галька на берегу казалась отмытой до блеска. В центре озера фонтаны взмывали ввысь и, коснувшись лазурного неба, обрушивались вниз светящейся пылью. А на противоположном берегу ленивые водопады, опоясанные радугой, свергали струи с мраморных гор. Ни одного пожухлого листочка не было на деревьях, ни одного изъяна в безукоризненных формах. Любая, даже самая мелкая деталь, поражала изысканностью. И плоды в этом благодатном месте были совершенными: гроздья винограда светились солнечным блеском и оказались медово-сладкими на вкус.

– Может, мы попали на земли шанкар? – предположил Юниэр.

– Это просто сон, – улыбнулась Мирэя.

Целый день они бегали друг за другом, беспричинно счастливые, опьяненные спелым виноградом. Все заботы и тревоги последних дней стерлись из памяти.

Ближе к вечеру они вышли к большому озеру. Над ним клубились туманы, синие и серебристые, а гладкая поверхность воды временами волновалась и сверкала разноцветными бликами.

– Похоже на озера Горудуна, – сказал Юниэр, и тогда Мирэя вспомнила сказку о могущественном маге, мечтавшем создать мир без страданий. Маг считал, что достаточно изъять из мироздания все несовершенное и убогое, а всему приятному и красивому придать завершенность. Любой живущий в идеальном мире будет доволен и благодарен. С этой идеей Горудун пришел к шанкарам и попросил у них поддержки. Но шанкары объяснили ему, что нельзя вмешиваться в Творение Каратара, не ведая его замысла.

– Каратар, – говорили они, – не стремился создать теплицу, где все его творения процветали бы. Он создал мир, в котором каждый свободен и награжден достоинствами и возможностями; и не только красота и способность ценить ее важны, но и любовь, творчество, забота о других, талант, юмор.

Горудун не искал совета у шанкар, а только помощи в осуществлении мечты. Их ответ разочаровал его. Будучи магом, не трудно сойти с ума, ведь маги располагают знаниями, пре-

восходящими человеческие. Пришел день, когда Горудун решился исполнить свой замысел. Но его волшебства не хватило на весь мир и даже – на земли Крора. Только на небольшом участке, вокруг семи озер, мир преобразился в такой, каким его желал видеть Горудун. Умножить красоту и притягательность природы было несложно, труднее было вызвать восторг у населявших эту землю народов.

Конечно, они удивлялись причудливым фантазиям мага, но недолго, и через какое-то время принимали все красоты как должное. А Горудун хотел очаровать их своим творением навечно. Много усилий потратил он, чтобы завлечь путников в чертоги семи озер. Он свил тонкие невидимые сети, которые падали на мысли попавших в его царство, и не позволяли никому вернуться назад. Во владениях мага все становились преданными поклонниками Горудуна, восхищались созданной им красотой и не общались друг с другом. Других чувств у них не оставалось. Чтобы лишить людей свободной воли даже на небольшом участке Крора, Горудун потратил всю свою волшебную силу и не смог ее восстановить. Потом он исчез, и никто не знал куда.

В Сундаре все знали эту легенду, но не верили, что такое может быть на самом деле, и говорили: "Это очередная поучительная история о том, что невозможно противостоять фейрскому богу".

– Уйдем отсюда, Юниэр? – предложила Мирэя.

Ей захотелось оказаться на поляне в обычном лесу, сорвать ягоду земляники и увидеть голубые звездочки незабудок. Она вдруг поняла, что не любовь вела мага, когда он создавал свое совершенное царство, а лишь тщеславие и гордыня.

– Ты что, испугалась? Разве тебе не любопытно посмотреть, что в озере? – возразил Юниэр.

Глаза его блестели, он потянул Мирэю за руку.

– Моя любовь, никакой Горудун не сможет нас тут удержать навечно. Мы только поглядим, что там. Потом будем рассказывать нашим детям про диковинки сумасшедшего мага.

Они вошли в волшебное озеро и сразу опустились на дно. Ощущение было приятным: мягкая, обволакивающая вода не выталкивала, можно было легко передвигаться, а при желании, оттолкнувшись от дна, испытать ощущение полета. Мирэе и Юниэру понравилось это упражнение, они чувствовали себя почти невесомыми и на все способными, как в детских снах.

Подводные пейзажи завораживали. Золотистый свет сверху сливался с голубым свечением дна. Флуоресцирующие водоросли и кораллы, огромные, как деревья, униженные росинками, большие улитки, гордо несущие на прозрачных спинах хрупкие раковины, подводные бабочки, цветы, замки, – все казалось безупречным и вызывало восторг.

Иногда им на пути попадались люди и фейры, захваченные в плен чарами Горудуна, но никто не обращал внимания на новичков. Их лица были белы, как маски, губы не улыбались, и каждый был поглощен созерцанием. Глаза не отражали ничего, кроме предмета искусства великого мага, на который они смотрели. Маленький мальчик с серьезным, не детским выражением лица, складывал из тонких ракушек высокий замок, осторожно скрепляя ажурные конструкции и едва дыша.

Долго бродили Юниэр и Мирэя по диковинным землям Горудуна, время летело незаметно. Ничто всецело не завладело их вниманием. Юниэр говорил своей любимой, что нет никого прекраснее во владениях мага, чем она, и что любовь сильнее всяких чар. Они гордились тем, что не поддаются волшебству. Невдомек было им, что летели над ними молитвы Мудрены, мешая сетям Горудуна опуститься и сковать их. Так прошли они через семь озер. Стало темно, и тонкие узоры водорослей засияли призрачным светом, а высоко в небе вспыхнули звезды.

– Здесь тоже бывает ночь! – удивился Юниэр. – Я совсем не жалею, что мы здесь оказались. Это не так уж опасно, если обладаешь твердой волей и не стремишься уйти от мира. По моему, пора возвращаться, больше смотреть нечего. Захватим что-нибудь на память?

– Нет, не надо. Ничего не бери! – предостерегающе воскликнула Мирэя, которой вдруг стало страшно.

В это время маленькая звездочка сорвалась с неба и стремительно понеслась вниз.

– Загадывай желание! – крикнул Юниэр и подставил ладонь.

– Сделай так, чтобы мы никогда не расстались, – прошептала Мирэя.

Лучше бы они не заметили этой звезды: она упала не с настоящего, а с зеркального неба и желания исполняла наоборот. Звезда шлепнулась прямо в ладонь Юниэра, и он ощутил приятный холодок.

– Какая простая и тонкая работа! – восхитился он. – Спасибо за подарок, Горудун!

Они обнялись и, оттолкнувшись от дна, оказались на берегу. Вернуться в привычную жизнь оказалось трудно: ноги словно приклеивались к земле, и казалось, что кто-то жалобно зовет их и причитает о том, как нужны они в волшебных чертогах, как жестоко предавать красоту. Но Юниэр твердо решил вырваться из совершенной западни Горудуна. Его упрямство помогло Мудрене вытянуть их из Зачарованного леса.

Едва они оказались в безопасном месте, как тут же рухнули на траву без сил. Изнемогла и Мудрена: голова ее упала на грудь, веки сомкнулись. Грибуны уложили ее, укрыли одеялами.

Юниэр проснулся от голода. Солнце сияло высоко, и он определил, что уже полдень. Мирэя спала, и он решил поискать какой-нибудь еды. В кустах шевелилось и пищало что-то белое. Юниэр осторожно подкрался, мечтая о жирном зайце, и схватил животное за бока. Зверь не пытался вырваться. Это был щенок с темными умными глазами и черным носиком. Он вильнул хвостом и лизнул руку Юниэра. Съесть его было бы просто преступлением. Юниэр поднял щенка с земли.

– Что, малыш? Твоя большая белая мама где-нибудь поблизости?

Щенок взвизгнул протяжно и жалобно, из чего можно было заключить, что он одинок и брошен. Пришлось Юниэру взять его с собой. Вскоре они вошли в тенистую рощу. Юниэр обрадовался – ему были знакомы высокие деревья с блестящими листьями. Когда он участвовал в походах по Крору, плоды этих деревьев считались редкостной находкой для воинов, так как утоляли самый зверский голод. Юниэр сорвал несколько самых крупных и сочных и поспешил к спящей подруге.

– Смотри, кого я принес! – разбудил он Мирэ. – Дарю его тебе, чтобы ты о нем заботилась, кормила и купала часто, потому что он белый и быстро пачкается. И не вздумай отказываться, это подарок от самого сердца.

– Какой симпатичный! Где ты его нашел?

– Недалеко, в кустах.

– Спасибо, Юни, мне он нравится.

Они поели и вспомнили о грибунах.

– Как ты думаешь, что с ними стало? – спросил Юниэр.

– Не очень-то мы им помогли, – вздохнула Мирэя.

– Может еще не поздно? Пойдем в Веселку, узнаем, как там дела.

В деревне шел пир горой. Грибуны радостно приветствовали Шумми и Буги, а также Волнушку, которую считали без вести пропавшей. Волнушка стала предметом всеобщего внимания, она рассказала всем подружкам, как Шумми рисковал жизнью ради нее, спасая от Остервенелой бороды и его братьев. Она, конечно, приукрасила историю своего освобождения романтическими подробностями, и все деревенские девушки сгрызли себе ногти от зависти. Грибуны веселились, один Буги был печален.

– Шумми, – дернул он за рукав своего товарища, – как думаешь, они вернутся? Может, она наврала?

– Зачем ей врать, сказала, придут, значит придут. Не наводи тень на ясный день.

Буги думал: "Нигде я не нахожу понимания. К чему ей врать? Смешной вопрос. Чтобы не ударить в грязь лицом. Как же, сознается она, что ничего не вышло из ее колдовства. Кто же ее уважать будет?" – Он наблюдал исподтишка за молодой колдуньей с хитрыми глазами, которая жевала вишни и бесилась на празднике больше всех.

Но мрачные ожидания Буги на этот раз не оправдались. Юниэр и Мирэя все-таки пришли в Веселку.

Хлебосольные грибуны тут же позвали их к столу. Местные музыканты дули в трубы и били в барабаны, а грибуны плясали и водили хороводы.

– Никогда не видел столько довольных малышей сразу, – шепнул Юниэр на ухо жене. – Как ты думаешь, есть у них какие-нибудь проблемы?

– Ни проблем, ни хлопот! – радостно запели в ответ грибуны, обладающие великолепным слухом. – Добро пожаловать в Веселку. Как же вам удалось выбраться из Зачарованного леса? Расскажите, что вы видели.

В их устах этот вопрос звучал обыденно, как если бы они спросили: "Приятно ли вы отдохнули у родственников вашей жены?"

Буги и Шумми обнялись с друзьями и поздравили их с возвращением.

– Запомните, – поучал Шумми, – деревья со светлячками по всей границе опасны, и больше никогда туда не ходите. Вызволить вас оттуда было куда труднее, чем справиться с нашим врагом.

– Значит, вы одолели его сами? Какой же ты молодец, Шумми! Как это случилось?

Шумми замялся, переступая с ноги на ногу.

– Ну... мы не совсем сами управились... Нам помогли немного. Точнее, за нас почти все сделали. Если уж совсем честно, то, когда мы пришли, все уже было готово.

– Говори вразумительно, что произошло?

– Одна ведьма, – ответил Буги вместо Шумми, – этого проглота в статую превратила. Теперь от него в хозяйстве польза: он птиц отпугивает в огороде.

– Ты нас опять разыгрываешь, Буги? – засомневалась Мирэя.

– А мне и подавно вас слушать забавно, – услышали они голос позади себя и, обернувшись, увидели Мудрену.

– Э... леди, – перестраховался Буги, – если я вас ведьмой назвал, то это любя. Я ничего дурного не имел в виду.

Мудрена едва кивнула ему. Она внимательно изучала Юниэра.

– Я вижу союз двух великих сердец.

Скажи, славный воин, кто был твой отец?

Юниэр пришел в замешательство: настолько сложен был для него этот вопрос.

– Поскольку мы не знакомы, позвольте сначала представиться. Мое имя Юниэр, а это – моя жена, Мирэя. А вас как зовут?

– Где как, ну а тут Мудреной зовут, – она улыбнулась и протянула руки к белому щенку.

Малыш твякнул и завил хвостом. Он почти вырвался из рук Мирэи и прыгнул к Мудрене.

– Ну что ж, расскажи мне, пропавший бесенок,

Где ты побывал и кого повстречал?

Что кушал мой толстый мохнатый волчонок,

Кого испугался и где ночевал?

– Простите, мы не знали, что это ваш щенок, – сказала Мирэя с досадой.

Мудрена ей не понравилась. Во-первых, она не сводила глаз с ее мужа, во-вторых, забрала щенка.

– Я даже успел подарить его своей жене.

Юниэр был сконфужен.

Мудрена опять впиалась в него долгим взглядом. Потом она вернула щенка Мирэе и голосом, не допускающим возражений, сказала:

– Отдать его вам для меня не потеря, ты право имеешь на этого зверя.

Маленького волчонка назвали Олвиком – подаренным дважды.

Друзья праздновали вместе с грибунами день освобождения от врага и пели гимны благополучным дням без приключений. Грибуны уверены, что приключения привносят в жизнь не разнообразие, а безобразие, и без них гораздо спокойнее.

Звезда

Что-то было не так. Жизнь в Веселке не радовала Мирэю, но не грибуны были тому виной, а колдунья. Ей рассказали, как Мудрена восемь дней не спала, ворожила и охраняла их от чар Горудуна. А им с Юниэром показалось, что они провели в Зачарованном лесу не больше одного дня. Мирэя должна была чувствовать благодарность к Мудрене, но не могла себя заставить быть хотя бы дружелюбной. Она заметила, что странная девушка заглядывается на ее мужа, а Юниэр проникается к ней все большим интересом. Он подолгу беседовал с Мудреной, с жадностью поглощая каждое слово ее птичьей речи. Измученная подозрениями Мирэя не выдержала и высказала Юниэру свои соображения.

– О чем это вы разговариваете, если не секрет? Что она напела тебе? Ты за ней так и вьешься!

– Мирэ! – присвистнул Юниэр. – Ты что ревнуешь? Напрасно, милая. Ты бы лучше послушала, что она рассказывает. Мудрена многие вещи видит насквозь. То, что она говорит, мне близко. Мы мыслим одинаково.

– Она тебя околдовывает. Говорят же грибуны, что она на мозг действует.

Юниэр рассмеялся, глядя на рассерженное лицо любимой.

– Не бойся, ничего плохого она нам не сделает, но многому научит.

– И охладит твое сердце, – прошептала Мирэя.

– Что-что? – не расслышал Юниэр.

– Ничего! Я бы на твоём месте не связывалась с колдуньями.

– Это невозможно. Все женщины – колдуньи, все до одной. А ты – самая главная!

Но Мирэю не убедили его слова.

– Говоришь, что она очень умна? Почему же не выбросишь звезду, как она советует? Я прекрасно слышала: "Покинули лес не с пустыми руками, проклятье звезды нависло над вами". Почему ты ее не слушаешь?

Юниэр упрямо сжал губы.

– Даже она может ошибаться. Я доверяю своей интуиции. Это звезда – наш талисман; она сияла нам в садах Горудуна и еще не раз поможет в трудные времена. Мы должны беречь ее.

– Почему ты придаешь такое значение пустой безделушке и совсем не замечаешь моего беспокойства? – Мирэя обиженно замолчала, а Юниэр как-то странно, отрешенно улыбнулся и не ответил.

"Он говорит с сумасшедшим блеском в глазах и ведет себя непредсказуемо – это ее чары так действуют. Если я буду медлить, то потеряю его", – подумала Мирэя и решила поговорить с Мудреной.

Мудрена вила кольца вокруг дуба, подпрыгивая и приплясывая, поглощенная этим занятием как наисерьезнейшим делом. "Неужели он предпочел бы мне эту ненормальную?" – засомневалась Мирэя. Она преодолела неловкость и обратилась к сопернице:

– Прости, что отрываю тебя от... кружения около дуба, Мудрена, но мне бы хотелось поговорить.

Мудрена остановилась и вопросительно поглядела на нее. "Со мной она почему-то не желает вести поучительные беседы", – подумала Мирэя.

– Видишь ли, мой муж очень изменился с тех пор, как мы сюда пришли. Я чувствую, с ним что-то происходит. Он слушает только тебя, мысли его витают где-то очень далеко. Иногда мне кажется, что он меня не слышит. Если это ты его околдовываешь, то хочу предупредить: я не стану лить слезы, а просто уничтожу тебя.

Мирэя сама удивилась такой прямоте. Она хотела действовать осторожно и хитро, но сразу выплеснула свои сокровенные мысли. Колдунья хмыкнула.

– Не вью заклинаний на muže твоём.
Серьезно он болен, но я, ни при чём.
Проклятье звезды Горудуна на нём.
Но если звезду ты тайком украдёшь
И магу коварный подарок вернёшь,
Тогда ты любимого мужа спасёшь.

Сказав это, Мудрена отвернулась и ушла.

"Наверное, она испытывает такую же неприязнь ко мне, как и я к ней", – поняла Мирэя. В советах Мудрены она почувствовала скрытую угрозу. "Говорит, что Юниэр болен, но, по моему, она меня просто дурачит, а звезда – повод отправить меня куда-нибудь подальше".

Мирэя могла поверить, что муж во власти чар Горудуна, но чутье подсказывало ей, что способ, которым колдунья предлагала его спасти, неверный и даже опасный.

На следующее утро Мудрена исчезла и два дня не появлялась в деревне, но Юниэр не стал спокойнее и внимательнее к Мирэе.

Грибуны не замечали странности в его поведении. Он много общался и шутил с ними, с удовольствием участвовал в их делах. Однажды они ушли на болота за клюквой и пропадали там целый день. К вечеру все вернулись. Мирэя радостно выбежала навстречу, но, увидев лицо мужа, испугалась. На нём было выражение злой ярости. На почтительном расстоянии трусили грибуны, притихшие и недоумевающие. Впервые дуборос показал им лицо гнева.

– Что случилось? Кого-то убили? – бросилась Мирэя к охотникам.

– Убили? – Юниэр злобно взглянул на нее. – Нет! Украли. Украли мой талисман. Но я этого так не оставляю. Всех обыщу. Лучше вору сознаться сразу.

– Талисман? – переспросила Мирэя. – Я думала, что-то серьезное случилось. Кому нужна эта звезда? Ты, наверно, потерял ее где-нибудь.

– Глупая, – поморщился Юниэр, – сама ты никому не нужна.

У Мирэи потемнело в глазах, так нелепо и страшно прозвучали его слова. Она попыталась сделать бесстрастный вид, но обида не дала ей скрыть боль. Слезы брызнули из глаз, и она убежала в дом. Юниэр, не обращая на нее внимания, ринулся ворошить вещи в домах своих недавних друзей, переворачивая там все вверх дном. Грибуны запирали двери, но он кричал, что подпалит хижины, если они не отопрут их. Бедняги скорбно взирали, как беснующийся дуборос разрушает их домашний уют, и шептались друг с другом:

– Вот напасть! Больше никогда не будем пускать к себе дуборосов. Они все ненормальные. Сегодня друзья, а завтра грозят подпалить родной дом.

– Сколько после него убирать придется! Натоптал, посуду разбил, мебель сломал, а прикидывался безобидным. Нет веры дуборосам!

Поиски Юниэра оказались безуспешными. Наконец он кинулся к собственному дому.

– Признавайся, куда ты спрятала звезду? – налетел он на Мирэю.

– Я не знаю, где эта ненавистная звезда! – зарыдала Мирэя. – Убирайся вон! Никогда бы тебя не полюбила, если б знала, что ты такой мелочный! Предатель!

Но он ее не слышал. Это был чужой человек, ослепленный гневом, совсем не тот Юни, которого она любила. Он грубо притянул ее к себе, ощупал всю одежду, а потом тщательно обыскал их маленькое жилище.

– Значит, не ты, – сказал он. – И вышел из дома.

Мирэя всхлипывала, никогда еще она не чувствовала себя такой униженной. Уткнувшись носом ей в щеку, тоненько скулил волчонок.

"Я здесь не останусь, – думала Мирэя, – мы больше никогда не будем вместе, если я себя уважаю. Не хочу его видеть, никогда не прощу! Как он смел так грубо со мной обращаться? Лучше бы мы остались в Зачарованном лесу".

Голос рассудка напоминал ей, что Юниэр не в своем уме, что он болен, как и говорила Мудрена. Может, ему нужна помощь, иначе он умрет. Любовь не разрушается в один миг, надо закрыть глаза на отвратительную грубость его слов и поступков. Надо помочь ему найти эту звезду, он же верит, что это талисман их любви...

В это время в шалаш заглянула Волнушка.

– Ты можешь выйти. Он больше не сходит с ума.

– Где он?

– Мудрена вернулась и дала ему лекарство. Сейчас он спит у нее дома. А мы ходим на цыпочках, чтобы не разбудить. Не мужчина тебе достался, а пламенный дракон. С ним такое часто бывает?

– Никогда, – машинально ответила Мирэя.

Волнушка поняла, что ей не до разговоров.

– Тебе принести чего-нибудь? – спросила она участливо.

– Нет, ничего не надо.

Волнушка ушла, а Мирэя терзала себя горькими думами: "Значит, он спит дома у Мудрены. Устроил дебош и переутомился. Пусть Мудрена о нем и позаботится, а мы с ним квиты. Добилась своего, свистушка. Победу празднует. Я дочь короля Киннара и ни от кого не потерплю оскорблений".

Мирэя подхватила Олвика на руки и направилась прочь из деревни. "Ты, Олвик, тоже ее зверь. Однажды ночью перегрызешь мне горло и поспешишь к ней похвастаться выполненным заданием", – всхлипывала несчастная Мирэя. Но оставаться одной не хотелось, нужно было хоть кому-то поплакаться. Олвик преданно смотрел на нее, и, казалось, все понимал. Он никому не расскажет о ее слабости. И не загрызет.

Грибуны суетились, приводя в порядок дома. Был вечер, а этот народец не любит укладываться спать в беспорядке. Поэтому никто не заметил, как ушла их гостья.

Из домика на окраине деревни доносилось пение. Мирэя стиснула зубы, чтобы не разрыдаться. Она знала, кто поет ей прощальную песню.

Мудрена видела из окна, как удаляется в сторону леса возлюбленная Юниэра и не остановила ее.

Всю ночь и весь день блуждала Мирэя, не разбирая дороги. Она исцарапала ноги, порвала и испачкала платье; да и Олвик больше не был снежно-белым. Голод мучил ее, а где добыть еду, она не знала. Теперь она удивлялась своей глупости. Уж если она собралась уходить, то нужно было подумать обо всем заранее. Поход по диким землям Крора, да еще в одиночку, это борьба за выживание, а не прихоть сумасбродной неженки. Мирэя поняла, что добровольно обрекла себя на голодную смерть. А как страшно было ночью, сколько шорохов и звуков, которые она просто не замечала, когда шла в Веселку с Юниэром и грибунами. Теперь же она дрожала, прижимая к груди теплый комочек. Но Олвик был еще слишком мал, чтобы выручить ее из беды.

Чудом она вышла вечером к той же роще, где Юниэр когда-то нашел вкусные и питательные плоды. О, она их сразу узнала! Поблагодарив всеблагодую Явь, Мирэя наелась от души и посмеялась над Олвиком, который, вгрызаясь в мякоть плода, почти исчез внутри него, – только короткий хвостик торчал наружу.

"Все будет хорошо, – уговаривала себя Мирэя. – Нельзя было обижаться на Юни. Надо было обуздать гордыню и помочь Мудрене вывести его из состояния невменяемости. Не может быть, чтобы он разлюбил меня. Наверное, опомнился уже и сходит с ума. Переживает, места

себе не находит. Может быть, уже бросился на поиски. Такому следопыту, как Юни, ничего не стоит найти меня. Мы скоро встретимся, он обнимет меня крепко и скажет: "Любимая моя девочка, ты одна у меня на свете". С этими мыслями Мирэя уснула, улыбаясь во сне. За сутки, проведенные в лесу, она поняла, как невыносимо быть одной.

Но Юниэру становилось все хуже и хуже. Он бредил, не приходя в сознание, и рвался на поиски потерянной звезды. Мудрена знала, что отпускать его нельзя и накрепко привязала веревками к лежанке. Он пытался порвать путы, как только прекращался нагоняемый ею целебный сон, и проклинал все на свете. А она без устали твердила заклинания и терпеливо ждала.

Утром, прежде чем открыть глаза, Мирэя почувствовала, что над ней кто-то стоит. Она стремительно вскочила и увидела аккуратную старушку с голубыми глазами.

– Доброе утро, дитя мое, – проворковала та самым любезным голосом. – Что ты делаешь одна в лесу? Странно.

– Я иду в гости к грибунам, в Веселку, – сказала она первое, что пришло в голову. Может, бабуся поможет ей вернуться назад.

– Не желаешь ли и ко мне в гости заглянуть? Молока попить, – пригласила старушка

– Вы здесь живете? – недоверчиво спросила Мирэя. – В лесу?

– Ну почему? – рассмеялась старушка, – в доме, конечно. В красивом доме с роскошным садом.

"Почему бы и не зайти?" – подумала Мирэя.

– Хорошо, мы не возражаем, – улыбнулась она, вытащив на свет Олвика.

При виде щенка глаза старухи заблестели.

– Какое очарование! Малюсенький, хорошенький!

Она взяла Олвика на руки и пригласила Мирэю следовать за ней.

– Как звать тебя, красавица? – спросила она по дороге.

– Мирэя, а вас?

– Вэнили, серебряная садовница.

Старушка привела гостью к себе домой и показала сад. Тогда Мирэя поняла, почему ее так звали. Никогда она не видела столько цветов сразу. В волшебных садах Горудуна тоже было красиво, но растения казались искусственными, а у Вэнили цвели и дивно пахли живые розы, тюльпаны, лилии, нарциссы.

– Какое замечательное занятие вы себе выбрали! – воскликнула Мирэя. – У вас редкий по красоте сад.

– Оставайся, погостишь, – радушно пригласила Вэнили.

И Мирэе захотелось немного пожить у приветливой старушки. Она вспомнила о далеком Сундаре и дворцовых садах. Природа Крора была суровее, чем в ее краях, и Мирэя соскучилась по теплым светлым краскам и ароматам любимых цветов.

"Но мне надо вернуться к Юниэру, – подумала она нерешительно. – Нет, подожду еще день. Дам ему возможность найти меня". – Все-таки она опасалась, что, вернувшись, увидит Юниэра, привороженного чарами к Мудрене.

Мирэя поведала Вэнили свою историю, умолчав о Сундаре, представившись обыкновенной девушкой. Ей необходимо было поделиться с кем-нибудь чувствами, особенно, по поводу последних событий. Старушка утешала ее, говорила, что, конечно же, муж придет за ней, и она, Вэнили, порадуется их встрече.

Разоткровенничалась и Вэнили. Она рассказала о своем сыночке – смелом охотнике, о том, какие надежды возлагали на него они с мужем, как хотелось бы им вернуться на родину, и о том, как редко навещает теперь их сын, потому что пошел в ученики к магу.

Мирэя слушала невнимательно, ее занимала собственная история.

Потом она гуляла по саду, и голова кружилась от тончайших ароматов и обилия красок. Олвик гонялся за бабочками. Почувствовав усталость, они ушли подальше от дома, взобрались на холм и растянулись на солнышке. С холма открывался вид на тропинку, ведущую к домику старушки. Лес в этом месте выглядел обжитым и ухоженным, и странно было думать, что такое дружелюбное место окружают темные чащи.

Мирэя разомлела от тепла и тишины и чуть было не уснула. Но взглянув случайно на тропинку, обмерла от ужаса. Огромного роста мужчина с топором и связкой окровавленных кроликов в руках шагал к дому. Вид у него был зверский.

"Он же прямо к Вэнили идет", – испугалась девушка и кинулась бежать, чтобы предупредить хозяйку.

Вэнили удивленно выслушала взволнованную Мирэю.

– Что тебя так поразило, деточка?

– Надо спрятаться, сюда идет страшный человек.

– Где? – Вэнили выглянула за калитку.

– Ты меня обижаешь, – сказала она. – Это мой муж возвращается с охоты. Может, Рубан грубоват на твой деликатный вкус, но для меня он полон мужественной притягательности.

– Простите, я не знала, – только и могла выговорить Мирэя.

– Как же ты напугал нашу гостью, милый! – вышла навстречу мужу Вэнили.

– Кто это сюда забрел? – голос у Рубана был свистяще-шипящий, как у простуженного человека.

"Уж лучше бы он ревел", – подумала Мирэя.

Рубан впился в нее взглядом и растянул губы, изображая улыбку. Мирэя невольно шарахнулась в сторону.

– Только кролики на этот раз, – прохрипел Рубан, бросая к ногам женщин кровавые тушки. Тут Рубан заметил Олвика и протянул к нему мохнатые клешни.

– Это не еда! – воскликнула Мирэя поспешно.

– Неужели снежный волк! – лицо Рубана сложилось в гримасу, которая, должно быть, означала удивление или радость.

Уловив растерянное выражение на лице Мирэи, старушка объяснила:

– Рубан хорошо знает этих волчат. Было время, когда он сам их выращивал, возился с ними.

– Самое радостное было время, – заметил Рубан. – Иди-ка я пощупаю тебя, брат-волк.

– Руки помыл бы сначала, – предупредила его Вэнили. – Вымажешь щенка в крови, он же белый.

– С каких это пор вид крови тебя коробит?

Он угрюмо глядел на Вэнили. Та обернулась к Мирэе.

– Погуляй еще немного, детка, а мы разделаем кроликов и приготовим ужин.

Мирэя послушалась. Это место перестало казаться ей привлекательным и безопасным. Но ей неудобно было уйти, не попрощавшись со старушкой, которая была приветлива с ней. "Пожинаю, переночую, а утром уйду", – решила Мирэя.

Она забрела в отдаленный конец сада, где густо цвели неизвестные ей красные цветы. Здесь она решила побыть как можно дольше, чтобы не попадаться на глаза Рубану. Едва она присела на траву, как ее начало клонить ко сну, и она не заметила, как задремала. Ей снились цветы, такие же прекрасные, как в саду у Вэнили. Она прогуливалась среди них, как накануне, но не чувствовала больше беззаботной легкости; беспокойство томило ее. Вдруг из кустов полезли змеи, тысячи одинаковых змей, черных и гладких. Они извивали свои отвратительные, скользкие тела и разевали ядовитые пасти.

– Будь осторожна, доченька. Не наступи на змею, – услышала она и, думая, что разговаривает со старушкой, подняла голову. Но увидела... Феорену.

– Мама! – воскликнула она, – я боюсь пошевелиться.

– Все гарпии умирают от своего яда, – наставительным тоном объяснила Феорена и растаяла в воздухе.

Мирэя очнулась от противного сна. Смеркалось, солнце только угадывалось за горизонтом. На душе было тревожно; она поневоле смотрела под ноги, опасаясь, что там притаились змеи. Неслышно ступая, девушка подошла к домику Вэнили и заглянула в окно.

Посреди комнаты был очаг, над которым булькало какое-то варево; старушка с измазанным кровью лицом и растрепанными волосами скакала вокруг.

– Мой компот почти готов! – повторяла она при этом.

Трудно было поверить, что эта ведьма с воспаленными красными глазами и есть та самая аккуратная бабушка Вэнили. Муж смеялся над ее выкрутасами.

– Что же ты сидишь, волосатик? – обратилась к нему старуха. – Тащи сюда нашу гостью. Мне нужно ее любящее сердце для навара. Как она перепугалась, бедняжка! Найди ее.

Рубан встал и пошел к двери. Мирэя прижалась к стене и подождала, пока он не скрылся в саду.

Бежать было некуда; сердце билось где-то в пятках. Тут она заметила, что в углу комнаты стоит клетка, где мечется несчастный Олвик. Мирэя сжала кулаки. Времени на размышления не было, поэтому она обогнула дом и вошла в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.